Д. 1880207
Р 11574

Книгоиздательство „МЫСЛЬ“

Библіотека соціалъ-революціонной литературы.

И. И. БУНАКОВЪ.

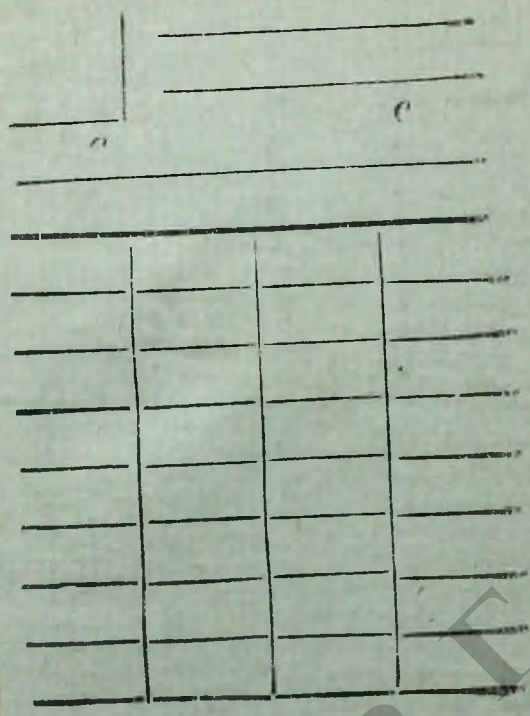
Судьбы земельнаго строя въ Россіи.

ПЕТРОГРАДЪ
1918 г.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

2

Ф



СОУНБ им. В. Г. Белинского

01/б

Библіотека Соціалъ-Революціонной литературы.

ф/р 11571

И. И. БУНАКОВЪ.

Уральская

Отъ Издательства „Мысль“

Настоящая книга напечатана литографскимъ способомъ. На стр. 28-29 по техническимъ условіямъ оставлены пробѣлы, но никакого пропуска въ текстѣ эти пробѣлы не заключаютъ.

СОУНБ имени В. Г. Белинского

Книгоиздательство

„МЫСЛЬ“.

Петроградъ, Эртелевъ пер., 1.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

01/б

Декабрь 1920 г.

Библіотека Соціалъ-Революціонной литературы.

№ 11571

И. И. БУНАКОВЪ.

СУДЬБЫ ЗЕМЕЛЬНАГО СТРОЯ ВЪ РОССІИ.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Книгоиздательство
„МЫСЛЬ".
Петроградъ, Эртелевъ пер., 1.

333 (Р)

1880207

Уральский Индустриальн. Ин-т
им. С. М. КИРОВА
Фундаментальная библиотека

Пр. 1940

Государственная
публичная библиотека
им. В.Г. Белинского
г. Свердловск

СОУНБ им. В. Г. Белинского

О ближайшихъ путяхъ развитія Россіи.

(По поводу статей кн. Евг. Трубецкого).

Три года тому назадъ въ „Русской Мысли" была напечатана небольшая, но богатая мыслями статья кн. Евгенія Трубецкого [1]). Въ этой статьѣ кн. Е. Трубецкой далъ необычайно смѣлый для того направленія общественной мысли, къ которому онъ примыкаетъ, анализъ соціально-политической современности и сдѣлалъ попытку намѣтить ближайшіе пути развитія Россіи. Въ декабрской книжкѣ „Русской Мысли" за 1913 г. мы встрѣчаемъ новую статью кн. Е. Трубецкого [2]), разбирающую тѣ же вопросы и тѣсно примыкающую къ первой статьѣ. Сопоставленіе этихъ статей и разборъ высказываемыхъ въ нихъ взглядовъ представляетъ большой общественный интересъ и особенно важенъ для того направленія, которому служатъ „Завѣты". Остріе соціально-политическихъ воззрѣній кн. Е. Трубецкого направлено противъ „народничества", и долгъ сторонниковъ послѣдняго обратить на нихъ серьезное вниманіе и сосчитаться съ ними.

Содержаніе появившейся въ 1911 году статьи слѣдующее:

Крушеніе революціи 1905 года нельзя объяснить ошибками политическихъ вождей, партій, или даже цѣлыхъ группъ населенія (напр., интеллигенціи). Надъ логикой отдѣльныхъ людей и группъ существуетъ „объективная логика вещей", которая сильнѣе всякой человѣческой воли. Причина неудачи освободительнаго движенія кроется въ особенностяхъ тѣхъ *реальныхъ историческихъ силъ*, которыя въ немъ дѣйствовали. Этими реальными историческими силами были, съ одной стороны, *крестьянство и пролетаріатъ*, т. е. *крайняя демократія*, съ другой стороны—землевладѣльцы и чиновничество. Въ Россіи не оказалось тѣхъ *среднихъ слоевъ общества*, которые могли бы составить со-

---

[1]) Кн. Е. Трубецкой. „Надъ разбитымъ корытомъ". „Р. М." февраль 1911.

[2]) „Новая земская Россія. Изъ наблюденій земскаго дѣятеля".

[3]) *Настоящая статья подъ названіемъ „О ближайшихъ путяхъ развитія Россіи" была напечатана въ журналѣ „Завѣты" въ 1914 г. (июнь-июль). Статья перепечатывается безъ измѣненія.*

СОУНБ им. В.Г. Белинского

ціальный базисъ правового порядка, явиться проводниками правовыхъ началъ въ жизнь. У русскихъ либеральныхъ партій—кадетовъ, октябристовъ, мирнообновленцевъ, безпартійныхъ прогрессистовъ—не оказалось общественныхъ группъ, на которыя они могли бы опереться. Сочувствующая либеральнымъ партіямъ городская буржуазія въ Россіи—странѣ земледѣльческой—численно незначительна, политическая физіономія крупной промышленности неопредѣленна, политическое могущество ея проблематично. При такомъ соотношеніи общественныхъ силъ въ русскомъ освободительномъ движеніи, всякія другія теченія, кромѣ крайнихъ, были лишены реальной силы. Реальной силой обладаетъ „крайняя демократія пугачевско-эсеровскаго или пугачевско-эсдековскаго типа", реальной силой является и „столь же крайняя олигархическая реакція дворянско-чиновничья". Вотъ чѣмъ объясняется тотъ историческій парадоксъ, который такъ характеренъ для нашего освободительнаго движенія: чѣмъ умѣреннѣе программа политической партіи, чѣмъ умѣреннѣе проектъ преобразованій, тѣмъ болѣе утопичными, неосуществимыми они оказываются въ жизни. Проектъ соціализаціи земли менѣе утопиченъ, чѣмъ принудительное отчужденіе за справедливое вознагражденіе, „неограниченное народное самодержавіе" легче осуществимо, чѣмъ манифестъ 17 октября.

До сихъ поръ ходъ разсужденій кн. Е. Трубецкого строго логиченъ и анализъ русской общественности—по нашему мнѣнію—правиленъ и глубоко *историченъ*. Болѣе того. Какъ это ни покажется страннымъ кн. Е. Трубецкому, анализъ этотъ почти цѣликомъ совпадаетъ со взглядами, ставшими чуть ли не традиціонными для русскаго народничества. Правда, мы не согласимся съ тѣмъ пониманіемъ соціально-политическаго строя, которое кн. Трубецкой вкладываетъ въ слова „правовой порядокъ", „правовыя начала" Мы глубоко убѣждены, что „крайнія формы политической демократіи" и въ особенности земельный строй, основанный на чисто правовомъ принципѣ „права на землю", гораздо болѣе заслуживаетъ этихъ названій. Оставимъ мы на политической совѣсти кн. Е. Трубецкого и квалификацію русскихъ соціалистическихъ теченій, какъ „пугачевскихъ". По существу же мы съ нимъ глубоко согласны. Для того „правового порядка", о которомъ мечтаетъ кн. Трубецкой, русская жизнь базы не уготовила. Историческое развитіе Россіи привело ее къ крайнимъ путямъ. Средняго пути нѣтъ. Худо ли, хорошо ли это, но это такъ.

Къ сожалѣнію, конецъ статьи кн. Трубецкого далеко не равно-

СОЧЕВ им. Б.Т. Бойкого

цѣненъ началу. Холодное мужество наблюдателя и изслѣдователя покидаетъ его. Психологія политическаго дѣятеля и идеолога опредѣленнаго политическаго направленія беретъ верхъ.

Среднихъ путей въ революціи 1905 г. не было. Ихъ нѣтъ и теперь. Но они *намѣчаются*. Среднихъ слоевъ общества нѣтъ. Но они *зарождаются*. Историческій русскій крестьянинъ, это — „крайняя демократія", соціальный базисъ для теченій „пугачевско-эсеровскаго" типа. Пріобщите его къ *собственности*, и вы произведете полный переломъ въ его психикѣ. Мелкая индивидуальная собственность воспитываетъ въ крестьянинѣ уваженіе какъ къ своему, такъ и къ чужому праву. Ставши собственникомъ, онъ станетъ непримиримымъ врагомъ всякихъ теченій, борющихся съ собственностью. Правовые принципы войдутъ въ его сознаніе и сдѣлаются ему дороги. Этимъ создается недостающій теперь соціальный базисъ для русскаго либерализма. Россія станетъ государствомъ правовымъ. Правительство, пытаясь спасти землевладѣльческую олигархію, само толкаетъ страну на этотъ путь. Мелкая индивидуальная собственность, возникающая на мѣстѣ разрушаемой общины, „образуетъ собой у насъ, какъ и во всемъ мірѣ, ядро той независимой собственности, которая послужитъ основой свободныхъ учрежденій".

Со времени появленія этой статьи прошло три года. Для русской интеллигенціи, мучительно долго переживающей похмѣлье политическаго возбужденія 1905 г. и какъ-то болѣзненно-истерически отвернувшейся отъ вопросовъ общественности, всѣ слѣдующіе за революціей годы кажутся въ соціально-политическомъ отношеніи окрашенными въ одну черную краску. Въ значительной мѣрѣ скученная въ городахъ и мало внимательная къ негромкимъ и не бросающимся въ глаза явленіямъ общественной жизни, она только въ самое послѣднее время—подъ вліяніемъ бурныхъ выступленій рабочихъ, громкихъ съѣздовъ и возбужденія въ связи съ дѣломъ Бейлиса—начинаетъ медленно и лѣниво просыпаться къ политической жизни и присматриваться къ окружающей дѣйствительности. А между тѣмъ, именно за эти годы такъ называемой „реакціи" и „застоя" въ русской деревнѣ, а слѣдовательно—этого никогда не надо забывать—въ основномъ массивѣ русскаго соціальнаго строя происходили сдвиги, значеніе которыхъ для будущей страны должно быть громаднымъ.

И теперь, какъ и три года тому назадъ, въ своей новой статьѣ кн. Е. Трубецкой, давая анализъ современности, показываетъ себя сообразительнымъ изслѣдователемъ и наблюдателемъ.

Два новыхъ явленія доминируютъ въ современной русской

СОЦИЕМ. В.Г. Белинского

деревнѣ: подъемъ благосостоянія и поразительно быстрый ростъ *новой* общественности. На подъемъ благосостоянія указываетъ цѣлый рядъ фактовъ. Улучшается техника крестьянскаго хозяйства. Плугъ, молотилка, вѣялка, даже дисковыя бороны и рядовыя сѣялки становятся обычными орудіями крестьянскаго хозяйства. Быстро улучшается земледѣльческая *культура*. Трехполье смѣняется многопольемъ съ травосѣяніемъ. Благодаря появленію богатыхъ заработковъ, растутъ *цѣны на рабочія руки*. Въ крестьянской массѣ (въ знакомыхъ кн. Трубецкому мѣстностяхъ), меньше прежней острой нужды, что отражается на костюмѣ и на всемъ внѣшнемъ обликѣ. Въ связи съ ростомъ благосостоянія съ невѣроятной быстротой растетъ новая „кооперативная" общественность. Кооперативное движеніе становится центромъ всей жизни нашей деревни. Сильнѣйшій толчекъ въ этомъ направленіи даетъ само правительство. *Стремясь создать въ противовѣсъ пугачевщинѣ новый типъ крестьянина—зажиточнаго собственника*, оно, съ одной стороны, разрушаетъ общину, съ другой—принимаетъ рядъ мѣръ для поднятія крестьянскаго благосостоянія и крестьянскаго хозяйства. Мѣры эти, главнымъ образомъ, агрономическаго характера—правительство въ значительной части принуждено проводить черезъ органы, болѣе близкіе сельскому населенію—земства. Земства, въ свою очередь, чтобы организовать экономическую помощь деревнѣ, принуждены прежде всего организовать самую деревню. *Распыленная* крестьянская масса неспособна къ воспріятію культуры. Кооперативная организація деревни оказывается необходимымъ условіемъ проведенія правительственной политики. Съ другой стороны, главнымъ организаторомъ неизбѣжно является русскій интеллигентъ въ лицѣ „третьяго элемента". Третій элементъ хлынулъ въ деревню и, во исполненіе предначертаній правительства, дружно принялся за ея организацію. Это—едва ли не самое парадоксальное явленіе русской общественной жизни. Въ итогѣ, наиболѣе характерной чертой современной деревни является могущественный ростъ *новой крестьянской общественности. Въ этой новой общественности крестьянская масса органически объединяется вокругъ интеллигенціи, которая вноситъ въ нее организацію и знаніе* Послѣдствія всѣхъ этихъ явленій будутъ громадны. Въ близкомъ будущемъ насъ ожидаетъ радикальный переворотъ, какъ политическій, такъ и соціальный.

И теперь, какъ и выше, съ кн. Трубецкимъ — *изслѣдователемъ и наблюдателемъ современной дѣйствительности*, мы должны всецѣло согласиться. Его анализъ, по нашему мнѣ-

СОУНБ им. В.Г. Белинского

нію, глубокъ и вѣренъ, характеристика деревни ярка и правдива. Да, подъемъ крестьянскаго благосостоянія въ связи съ ростомъ земледѣльческой культуры и развитіе крестьянской общественности, главнымъ образомъ въ формѣ кооперативной организаціи,—вотъ тѣ глубокіе соціальные сдвиги русской деревни, которые такъ обидно почти незамѣтила наша городская интеллигенція.

Не все, подмѣченное кн. Трубецкимъ, совпадаетъ съ „традиціонными" взглядами народничества. Но „народничество" не стоитъ на мѣстѣ, и въ „традиціонныхъ" его воззрѣніяхъ кое-что требуетъ „пересмотра". Послѣдній по времени анализъ дѣйствительности, данный народничествомъ, создавался въ эпоху революціи и годы, непосредственно ей предшествовавшіе, когда трудно было предвидѣть и учесть вышеуказанныя явленія, ростъ и расцвѣтъ которыхъ приходится на послѣднее пятилѣтіе.

Высоко оцѣнивая значеніе коопераціи въ дѣлѣ организаціи трудовыхъ массъ и организаціи трудового хозяйства, настоящее мѣсто въ жизни мы отводили ей только *на другой день* послѣ земельнаго переворота. Мы не предусмотрѣли и не оцѣнили возможности развитія въ русской деревнѣ кооперативнаго движенія даже въ тискахъ политической реакціи и *до* разрѣшенія ея земельныхъ противорѣчій. Выработавъ правильную программную позицію въ кооперативномъ вопросѣ, поставивъ теоретически кооперацію на одну высоту съ другими формами массоваго движенія—политическими и профессіональными, мы на практикѣ отдавали ей минимумъ силъ и общественнаго энтузіазма. Не только въ годы политическаго возбужденія, когда все поле нашего общественнаго вниманія было занято чаяніями земельнаго переворота, но и въ послѣдніе годы, когда даже для самыхъ большихъ оптимистовъ реализація земельной реформы отступила въ значительную даль, мы проявили удивительное равнодушіе и спокойствіе къ широкимъ потокомъ разливавшемуся по странѣ кооперативному движенію. Само собой разумѣется, что *нѣкоторое* участіе мы въ этомъ движеніи приняли, *нѣкоторое* мѣсто мы въ немъ заняли. И все-таки глубокой правдой и глубокимъ упрекомъ, въ особенности намъ, народникамъ,—звучатъ слова кн. Трубецкаго: „движеніе кооперативное протекаетъ въ нашей деревнѣ помимо замѣтнаго участія соціалистической и вообще какой бы то ни было пропаганды—соціальной и политической. Оно имѣетъ характеръ чисто дѣловой, «практическій». Этотъ общественный грѣхъ народничества долженъ быть имъ искупленъ. Кооперативное движеніе заняло большое мѣсто въ русской общественности, въ

СОУНБ им. В.Г. Белинского

общественности крестьянской оно *заняло центральное мѣсто. И народничество должно взять* на себя подобающую ему роль въ этомъ движеніи—роль идейнаго вдохновителя и практическаго вождя. Старая формула народничества—черезъ земельную реформу къ коопераціи, должна быть замѣнена новой: черезъ коперацію къ земельной реформѣ.

Пересмотру подлежитъ и другой народническій взглядъ на русскую дѣйствительность—взглядъ, одно время ставшій для народничества почти аксіоматическимъ: земельная реформа—conditio sine qua non экономическаго развитія русской деревни. Никакой подъемъ благосостоянія, никакое повышеніе сельско-хозяйственной культуры крестьянскаго хозяйства невозможны внѣ разрѣшенія тѣхъ земельныхъ противорѣчій, въ которыхъ запуталась русская деревня. Крестьянская экономическая жизнь—въ глухомъ тупикѣ, выходъ только одинъ—черезъ земельную реформу.

Для начала 900-хъ годовъ, когда вырабатывалось и формулировалось это воззрѣніе, такой взглядъ былъ вполнѣ законенъ и глубоко жизненъ. Положеніе русской деревни давало всѣ основанія для самыхъ крайнихъ и рѣшительныхъ выводовъ. Захваченная долголѣтнимъ міровымъ аграрнымъ кризисомъ, не имѣя возможности размѣщать растущее населеніе, некультурная и косная, русская деревня замѣтно нищала и безнадежно билась, истощая свои земли въ отсталыхъ формахъ трехпольнаго, а мѣстами еще болѣе экстенсивнаго хозяйства. Русское крестьянство, вѣками исторической жизни воспитанное въ условіхъ широкаго земельнаго простора, привыкшее всякое начинающее земельное утѣсненіе исправлять переселеніемъ на вольныя земли, задыхалось въ новыхъ условіяхъ растущаго малоземелья. Благодаря этому острому малоземелью, между крестьянскимъ и помѣщьимъ землевладѣньемъ и хозяйствомъ создались сложныя и ненормальныя земельныя и иного рода хозяйственныя отношенія, въ результатѣ которыхъ вся русская деревня свилась въ какой-то запутанный клубокъ земельныхъ и другихъ экономическихъ противорѣчій. Переходу къ высшимъ формамъ земледѣльческой культуры мѣшали, однако, не только крестьянское малоземелье и выросшія на этой почвѣ земельныя противорѣчія, не только нищета, косность и некультурность населенія. Надъ всѣми этими причинами доминировала главная, основная причина—*состояніе мірового сельско-хозяйственнаго рынка.* Захваченная въ круговоротъ товарнаго обращенія, принужденая ежегодно выбрасывать на международный рынокъ сотни милліоновъ пудовъ своихъ продуктовъ, русская деревня приняла на себя самые жестокіе удары на цѣлыя десятилѣтія

СОУНБ им. Е.Е. Дитмарского

затянувшагося мірового аграрнаго кризиса. При тѣхъ цѣнахъ на земледѣльческіе продукты, которыя, вплоть до 900-хъ годовъ, стояли на международномъ рынкѣ; при тѣхъ разстояніяхъ, которыя русскій хлѣбъ долженъ пробѣгать отъ мѣстныхъ рынковъ до портовыхъ городовъ, и отъ русскихъ портовъ до заграничныхъ; при той хищнической организаціи торговаго и кредитнаго капитала, которая держала въ своихъ рукахъ деревенскій сбытъ,—цѣны на мѣстномъ рынкѣ стояли такія, при которыхъ только и возможны были самыя экстенсивныя, невзыскательныя земледѣльческія культуры. Не только крестьянское, но даже и помѣщичье хозяйство, свободное отъ дѣйствія многихъ причинъ, которыя не давали подняться крестьянскому хозяйству, не могло при такихъ цѣнахъ на земледѣльческіе продукты перейти къ болѣе интенсивнымъ культурамъ и, въ общемъ, мало чѣмъ отличалось отъ крестьянскаго.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ вырабатывался вышеуказанный тезисъ о взаимоотношеніи между подъемомъ земледѣльческой культуры и земельной реформой. Самый строгій анализъ дѣйствительности властно приводилъ научную и политическую мысль къ такому выводу. Изъ экономическаго тупика, въ которомъ оказалась русская деревня, единственнымъ выходомъ, *зависящимъ отъ сознательной общественной воли*, было радикальное разрѣшеніе земельнаго вопроса. Земельная реформа разрубала клубокъ земельныхъ противорѣчій и устраняла крестьянское малоземелье. Этимъ создавалась возможность быстраго подъема крестьянскаго благосостоянія и прекращенія регрессивнаго процесса истощенія земли, который развился на почвѣ остраго малоземелья. Подъемъ благосостоянія деревни не могъ не отразиться на нашей городской промышленности, которая переживала въ это время острый и затяжной кризисъ, обусловленный именно слабымъ развитіемъ рынка сбыта. Экономическія противорѣчія русской жизни, при такой перспективѣ, въ значительной мѣрѣ разрѣшались. Въ ближайшемъ будущемъ, на почвѣ роста благосостоянія и культурности деревни и на основѣ окрѣпшаго болѣе благопріятнаго для сбыта, чѣмъ далекіе заграничные рынки—городского рынка, предвидѣлась возможность перехода къ высшимъ формамъ земледѣльческой культуры. Такова была схема, вытекшая изъ изученія окружающей дѣйствительности. Ея основной тезисъ—*сначала земельная реформа, потомъ подъемъ земледѣльческой культуры*,—былъ принятъ не только всѣмъ народничествомъ: въ годы революціи онъ сталъ достояніемъ самыхъ широкихъ круговъ прогрессивной общественности и мысли.

СОУНБ им. В.Г. Белинского

Послѣднее пятилѣтіе принесло съ собой явленія, значительно ограничивающія „тезисъ“ и нарушающія строгія формы вышеприведенной схемы. Несмотря на неудачу плановъ земельной реформы, русская деревня вступила на путь земледѣльческаго прогресса и подъема благосостоянія. Кн. Е. Трубецкой только удачно сообщилъ и формулировалъ тѣ наблюденія и факты, которыми пестрятъ страницы агрономической, кооперативной и другой мѣстной печати. Нельзя преувеличивать этихъ фактовъ. Численный учетъ ихъ еще почти невозможенъ. Общій глазомѣрный взглядъ на нихъ показываетъ, что мы присутствуемъ при первыхъ торопливыхъ, но еще мало удачныхъ, попыткахъ перестроить земледѣльческое хозяйство. Нѣкоторый ростъ благосостоянія не можетъ еще удовлетворить даже самыхъ неотложныхъ матеріальныхъ нуждъ деревни. И, однако, самый фактъ роста благосостоянія и подъема земледѣльческой культуры сомнѣнію подлежать не можетъ. Деревня сошла съ мертвой точки. *Русская деревня стоитъ на пути земледѣльческаго и матеріальнаго прогресса.*

Какъ это могло случиться?

Кн. Е. Трубецкой вѣрно отмѣтилъ факты, но онъ не указалъ причинъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни. Помощь правительства углубила происходящую въ деревнѣ перемѣну, она не вызвала и не опредѣлила ее.

Два новыхъ явленія, съ трудомъ заранѣе предвидимыя и учитываемыя, даютъ достаточное объясненіе происшедшей перемѣны. Событія 1905 года до самыхъ глубинъ взволновали жизнь деревни и вывели ее изъ состоянія инерціи и покоя. Крестьянская психика пережила глубокій переворотъ. Общественная воля и творческая энергія достигли высокихъ степеней напряженія. Небольшія группы населенія, какъ, напримѣръ, русская интеллигенція, потерпѣвъ пораженіе въ политической схваткѣ, теряютъ въ значительной долѣ свою общественную энергію и на долгіе годы становятся творчески безсильными Не такъ цѣлые соціальные классы и, въ особенности, классы трудовые. Политическое пораженіе только въ рѣдкихъ случаяхъ обезличиваетъ ихъ. Сломленныя въ политической борьбѣ, воля и энергія класса направляются въ низины обыденной жизни и незамѣтно творятъ новыя формы культуры и общественности. Выясняются результаты такой работы не сразу, за то, выяснившись, тѣмъ болѣе поражаютъ и радуютъ. Именно это самое случилось съ русскимъ крестьянствомъ. Потерпѣвъ пораженіе въ политической борьбѣ за земельную реформу и, въ значительной степени, отчаявшись

СОЦИУМ. В. Г. Белинского

въ возможности ея осуществленія, всю свою волю и всю свою творческую энергію рождавшагося къ сознательной жизни класса оно устремило на попытки поднять земледѣльческую культуру и на созданіе съ этой цѣлью новой кооперативной общественности. Во главѣ движенія стало молодое крестьянство, успѣвшее пройти черезъ земскую школу и пріобрѣсти за годы политическаго возбужденія нѣкоторые организаціонные и культурные навыки. Этимъ создавались, такъ сказать, *субъективныя* условія земледѣльческаго прогресса, отсутствовавшія въ дореволюціонной деревнѣ. Такія субъективныя условія являются conditio sine qua non всякаго экономическаго прогресса, но сами по себѣ они недостаточны. Перемѣна конъюнктуры мірового сельско-хозяйственнаго рынка принесла недостающія *объективныя* условія. Съ конца 90-хъ годовъ сельско-хозяйственныя цѣны на міровомъ рынкѣ начинаютъ медленно, но систематически повышаться. Въ серединѣ 900-хъ годовъ повышеніе это достигаетъ такихъ размѣровъ, при которыхъ говорить о сельско-хозяйственномъ кризисѣ больше не приходится. Сельско-хозяйственный кризисъ смѣняется сельско хозяйственнымъ расцвѣтомъ. Міровой рынокъ, такъ долго неблагопріятный для насъ, обернулся къ намъ своей положительной стороной. За послѣднее время вывозъ русскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на заграничные рынки возросъ на сотни милліоновъ пудовъ и на сотни милліоновъ рублей, при чемъ, благодаря росту цѣнъ, „рубли" значительно обгоняютъ „пуды" Трагическая для Западной Европы проблема „вздорожанія жизни" для насъ складывается гораздо благопріятнѣе. Мы гораздо больше производимъ, чѣмъ потребляемъ, больше продаемъ, чѣмъ покупаемъ.

Отражая, хотя и неточно, и съ опозданіемъ, перемѣну въ состояніи международнаго рынка, и мѣстный русскій рынокъ съ середины 900-хъ годовъ вступилъ въ полосу высокихъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Волна подъема докатилась до русской деревни. Спросъ на крестьянскіе продукты сильно возросъ. Цѣны на нихъ значительно поднялись. Это не только отразилось на подъемѣ крестьянскаго благосостоянія. Этимъ создались *„объективныя" условія для подъема земледѣльческой культуры* Интенсификація земледѣльческаго хозяйства стала выгодна и потому возможна. Творческая энергія крестьянства сдѣлала ее общественно необходимой. Такъ объясняется историческая перемѣна, происходящая въ крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Благодаря росту культурности населенія и необычайному подъему самодѣятельности и творческой энергіи и благодаря вы-

СОЛЕ им. В. Г. Белинского

годному для насъ измѣненію міровой конъюнктуры русская деревня, *несмотря на то*, что на пути ея по прежнему стоятъ гранитной стѣной земельныя противорѣчія, сумѣла проложить *обходные* пути, по которымъ медленно, но вѣрно движется въ *направленіи земледѣльческаго прогресса.*

Подъемъ деревни не могъ не отразиться и на городѣ. Городская промышленность вышла изъ состоянія тяжелаго кризиса и въ послѣдніе годы переживаетъ полосу значительнаго оживленія. Правда, это оживленіе продолжается всего нѣсколько лѣтъ, и такой опытный ученый, какъ проф. Туганъ-Барановскій, уже въ текущемъ году предсказываетъ новый кризисъ. Это, конечно, вполнѣ возможно. Русская промышленная жизнь находится въ такой тѣсной связи съ европейской, что если тамъ разразится кризисъ, онъ, несомнѣнно, задѣнетъ и насъ. Однако и теперь, какъ и въ началѣ 900-хъ годовъ, русская „самобытность" дастъ значительную *поправку* къ теоріямъ и прогнозамъ профессора. Какъ тогда Россія, въ отличіе отъ Западной Европы, благодаря обнищанію деревни, пережила острый и затяжной кризисъ, такъ теперь, на это можно смѣло разсчитывать, поднимающаяся деревня въ значительной мѣрѣ уменьшитъ остроту и длительность предполагаемаго промышленнаго кризиса. А ростъ промышленности и городского населенія въ свою очередь создастъ новую базу близкаго внутренняго рынка для дальнѣйшаго прогресса земледѣльческой культуры.

Я сказалъ выше, что не надо преувеличивать *размѣры* указанныхъ новыхъ явленій русской жизни. Въ частности прогрессъ земледѣльческой культуры. Прогрессъ этотъ далеко не „американскій". Все это такъ. И, однако, самая высокая оцѣнка послѣдствій сказанныхъ явленій не можетъ быть названа преувеличенной. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣдствія ихъ, какъ политическія, такъ и соціальныя, будутъ громадны.

Соціальныя противорѣчія и соціальная борьба, достигшая въ деревнѣ въ годы революціи большого напряженія, дѣлали возможность осуществленія земельной реформы вполнѣ реальной и наполняли сердце сторонниковъ этой реформы большимъ оптимизмомъ. Казалось, что русская деревня стоитъ наканунѣ крупныхъ соціальныхъ преобразованій. Однако и тогда чуткіе и внимательные наблюдатели были полны тревоги за судьбы деревни. *Деревня стояла на остріѣ.* Ей открывался, какъ будто, выходъ къ соціальнымъ преобразованіямъ. Но ей грозилъ и другой страшный исходъ—развалъ и разложеніе. Деревенская нищета и раззореніе крестьянскаго хозяйства были такъ велики,

СОЧИНЕНІЯ В. Г. БѢЛИНСКОГО

что являлись серьезныя опасенія, что организмъ деревни не выдержитъ долго такого напряженія и начнетъ медленно разлагаться. Нельзя сказать, что подобныя опасенія были исторически безпочвенными и неосновательными. Исторія знаетъ примѣры такихъ соціальныхъ разложеній и указываетъ ихъ зловѣщіе признаки. Правда, была большая вѣра въ благополучный исходъ земельной реформы. Но земельная реформа зависѣла отъ результатовъ политической борьбы, а политическая борьба полна столькихъ случайностей! Что будетъ съ деревней, если земельная реформа не удастся?

Теперь эти опасенія теряютъ свой смыслъ. Земельная реформа не удалась. Но и разложенія не наступило. Наоборотъ, деревня вступила на путь земледѣльческаго прогресса. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что она скоро можетъ сойти съ этого пути. „Субъективныя условія", съ ростомъ культурности населенія, должны только улучшаться. „Объективныя", въ видѣ благопріятной конъюнктуры міроваго рынка, обѣщаютъ, поскольку возможно, соціальное предвидѣніе, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, остаться неизмѣнными. Этимъ надолго предопредѣляются пути развитія деревни.

Народничество можетъ только отъ всей души привѣтствовать совершившуюся перемѣну. Никогда политическая „мудрость",— чѣмъ хуже, тѣмъ лучше,—никогда теорія „zusammenbruch'овъ" не были догматами народничества. Всякій подъемъ благосостоянія трудовыхъ массъ, всякій шагъ по пути улучшенія трудового хозяйства разсматриваются народничествомъ, какъ новое завоеваніе трудового народа, какъ новый шансъ въ соціальной борьбѣ.

Значитъ ли это, что у земельной реформы больше никакой будущности нѣтъ, что отъ нея надо отказаться и сдать ее въ архивъ? Я глубоко убѣжденъ, что это не такъ. Деревня *обошла* стоящія на ея пути земельныя противорѣчія, но она ихъ *не разрѣшила и не уничтожила*. Рано или поздно это сдѣлать будетъ необходимо. Земельный вопросъ, заглушенный политической реакціей, очень скоро встанетъ съ новой силой и властно потребуетъ своего разрѣшенія. За земельной реформой не будетъ стоять острота отчаянья деревни; за то за ней будетъ стоять сила сознательнаго и окрѣпшаго класса. Отъ такой замѣны она только выиграетъ. Но старая формула—черезъ земельную реформу къ земледѣльческому прогрессу,—должна быть замѣнена новой: *черезъ земледѣльческій прогрессъ къ земельной реформѣ.*

СОЦИЕТИТ В.Т. Ветинского

II.

Конецъ статьи кн. Е. Трубецкого, такъ же, какъ конецъ его первой статьи, снова вводитъ насъ въ атмосферу политическихъ страстей и партійной идеологіи. Снова хладнокровіе изслѣдователя и спокойствіе наблюдателя покидаютъ его. Снова передъ нами политическій дѣятель и идеологъ опредѣленнаго направленія.

Деревня богатѣетъ и перестраиваетъ свое земледѣльческое хозяйство. Правительство, спасая крупное землевладѣніе, дѣлаетъ большія усилія, чтобы помочь ей въ этомъ направленіи. Растетъ кооперативная общественность, въ которой крестьянство сплачивается вокругъ интеллигенціи. Къ чему все это приведетъ? Спасетъ ли правительство крупное землевладѣніе и перевоспитаетъ ли крестьянъ въ благонамѣренныхъ мелкихъ помѣщиковъ? Или интеллигенція, слившись съ крестьянствомъ, привьетъ ему свои революціонные и соціалистическіе идеалы? Ни то, ни другое. Крупнаго землевладѣнія правительство не спасетъ. Рабочихъ рукъ для крупнаго хозяйства нѣтъ или онѣ слишкомъ дороги. Вести крупное хозяйство при такихъ условіяхъ становится невыгодно. Помѣщики предпочитаютъ, воспользовавшись ростомъ цѣнъ на землю, распродавать свои земли, и крупное землевладѣніе быстро исчезаетъ. Вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ опора „приказнаго строя". Безумно пытаться утвердить этотъ строй при помощи разбогатѣвшаго и пріобщеннаго къ собственности крестьянства. Ростъ сознательности и самодѣятельности народныхъ массъ неизбѣжно приведетъ страну къ политической свободѣ. Но и ожиданія соціалистической интеллигенціи будутъ обмануты. Пріобщаясь къ благосостоянію и собственности, крестьянство тѣмъ самымъ становится враждебнымъ всякой соціалистической пропагандѣ. Ему есть теперь чѣмъ дорожить и что охранять. Въ этомъ могущественное противоядіе противъ „пугачевщины". Жизнь, бьющая ключемъ въ деревнѣ, отметаетъ всякія соціалистическія тенденціи. Въ деревнѣ нарождается могущественная *мелкая буржуазія*, по всему своему существу и складу чуждая соціалистическимъ мечтаніямъ. Мы присутствуемъ при ростѣ будущей *буржуазно-демократической* Россіи. Вмѣстѣ съ этой перемѣной теряютъ свой смыслъ и прежнія „пугачевскія", „ограбныя" программы. Мѣняется и интеллигенція. Приспособляясь къ жизни, она становится болѣе почвенной и здравый смыслъ беретъ верхъ.

Три года тому назадъ, когда кн. Е. Трубецкой писалъ свою

СОЧИНЕНИЯ В. Г. БЕЛИНСКОГО

первую статью, Россія еще стояла на крайнихъ путяхъ. Средніе пути только намѣчались. Теперь Россія уже вступаетъ на благодатный серединный путь. Слѣды крайнихъ путей еле виднѣются. Въ близкомъ будущемъ насъ ждетъ „правовой порядокъ", построенный на крѣпкомъ базисѣ: крестьянинѣ—мелкомъ буржуа и собственникѣ.

„Какъ возможна" такая перемѣна? Бываютъ ли въ исторіи такія внезапныя соціальныя метаморфозы? Могутъ ли великій народъ и великая страна такъ быстро перемѣнить свои пути? Возможно ли, чтобы русскій крестьянинъ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ непочтительно относившійся къ собственности, „пугачевецъ" и опора крайнихъ лѣвыхъ партій, въ такой краткій срокъ перемѣнилъ свою психику и идеологію и готовился въ ближайшемъ будущемъ превратиться въ завзятаго буржуа и собственника? Возможно ли все это?—О, да, конечно, если бы событія, происходившія въ недавнемъ прошломъ въ Россіи, и въ особенности, въ Россіи деревенской, были исторической случайностью; если бы всѣмъ своимъ историческимъ развитіемъ, всѣмъ своимъ прошлымъ Россія направлялась на серединный путь и только въ припадкѣ политической судороги метнулась на пути крайніе; если бы русскій крестьянинъ всей исторической обстановкой и всей своей исторической судьбой былъ воспитанъ въ психологіи и понятіяхъ буржуа и собственника и только въ моментъ крайней нужды и общественнаго увлеченія соблазнился чуждыми ему по духу программами,—тогда кн. Трубецкой былъ бы правъ. Тогда такія перемѣны были бы возможны и естественны. Тогда научный прогнозъ и соціальная мечта слились бы въ построеніи кн. Трубецкого въ гармоничное цѣлое. Къ сожалѣнію, это не такъ. Кн. Трубецкой—ученый и историкъ—долженъ знать это лучше другихъ. Онъ долженъ знать, какъ настоящее связано съ прошлымъ, какъ прошлое тяготѣетъ надъ будущимъ. Онъ долженъ знать, что недавнія событія въ Россіи не были исторической случайностью, что за ними стояло цѣлое историческое прошлое великаго народа, что въ нихъ выявились черты выработанныя вѣками исторіи. Онъ долженъ знать, что и будущее Россіи будетъ строиться не на пустомъ мѣстѣ. И я позволю себѣ кн. Трубецкому—ученому и философу, историку и правовѣду—сдѣлать упрекъ, который, если онъ справедливъ, долженъ показаться ему особенно чувствительнымъ—упрекъ въ *неисторичности*. Его прогнозъ виситъ въ воздухѣ, въ немъ нѣтъ связи съ прошлымъ, въ немъ не чувствуется духа исторіи.

Въ этомъ вина не одного кн. Е. Трубецкаго. Онъ раздѣляетъ ее со

СОЧИНЕНІЯ В. Г. БѢЛИНСКОГО

значительной частью русской интеллигенціи. Дитя своей страны—страны бѣдной культурнымъ прошлымъ и яркими событіями—русская интеллигенція не любитъ родного прошлаго и не знаетъ его. Прошлое своими темными сторонами еще тяготѣетъ надъ нами и гнететъ насъ. Всѣми силами своей души мы хотимъ сбросить его и приняться за устроеніе новой жизни. Передъ нами страны, далеко ушедшія впередъ—намъ надо догнать ихъ. Вотъ почему русская интеллигенція такъ много живетъ будущимъ и такъ мало прошлымъ. Вотъ почему въ своей общественной дѣятельности она такъ много отдаетъ вниманія нормамъ, императивамъ и идеаламъ и такъ мало историческому опыту. Вотъ почему ея анализы дѣйствительности часто неглубоки и не связаны съ прошлымъ, ея прогнозы часто безпочвенны и неисторичны.

Какъ ни покажется страннымъ и парадоксальнымъ это утвержденіе, изъ всѣхъ русскихъ идейныхъ общественныхъ теченій самымъ почвеннымъ и *историчнымъ* теченіемъ является, несомнѣнно, народническое. Если отбросить теченія реакціонныя и консервативныя, которыя, за исключеніемъ ранне-славянофильскаго, скорѣй инстинктомъ тянутъ въ прошлое, чѣмъ знаютъ и любятъ его (достаточно взглянуть для этого на ту ожесточенную борьбу, которую ведутъ эти теченія противъ земельной общины), изъ всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ теченій одно только народничество всегда съ любовью обращало свои взоры въ прошлое, живыми нитями связывало его съ настоящимъ и строило будущее на историческомъ фундаментѣ. Несмотря на всѣ свои увлеченія и нѣкоторую долю романтизма; несмотря на крупную ошибку, допущенную въ вопросѣ о развитіи въ Россіи *городского* капитализма; несмотря на несомнѣнную переоцѣнку въ свое время значенія „инициативной личности“ и недооцѣнку сознательнаго творчества массъ,—народничество сумѣло дать анализъ дѣйствительности, въ общемъ глубоко жизненный и научный, и, ошибаясь во временахъ и срокахъ, поставить прогнозъ, который—въ особенности въ части касающейся деревни и крестьянства—нашелъ блестящее подтвержденіе въ недавнихъ событіяхъ. Вотъ почему изъ всѣхъ общественныхъ теченій, начиная отъ правительственныхъ, которыя были *обмануты* въ своихъ ожиданіяхъ, и кончая либеральными и крайними лѣвыми, которыя были безконечно *поражены и удивлены*, только одно народничество оказалось *идейно* подготовленнымъ къ „неожиданному“ политическому выступленію крестьянства. Вотъ почему „утопическая“ народническая земельная программа вдругъ сдѣлалась образцомъ, по которому, коверкая и урѣзывая ее, спѣшно стали перекраивать свои программы буквально всѣ

СОУНБ им. В. Г. Белинского

прогрессивныя политическія партіи. Вотъ почему—по признанію самого кн. Трубецкого—только народники оказались почвенными среди трудовыхъ массъ, а марксисты принуждены были, чтобы имѣть успѣхъ въ массахъ, усвоить аграрную программу, „въ корнѣ противорѣчившую основнымъ началамъ марксизма“.

Въ чемъ тайна успѣха народничества? Въ чемъ основной смыслъ его ученій, анализовъ и прогнозовъ? Я глубоко убѣжденъ, что отвѣтъ можетъ быть только одинъ: въ его взглядѣ на *особенности психологіи и склада русскаго крестьянства, исторически развившіяся на почвѣ особенностей экономическаго быта русской деревни.* Удалите изъ народническаго ученія этотъ взглядъ, и вы вынете изъ него душу. Передѣлайте русскую деревню въ западно-европейскую, превратите русскаго крестьянина въ западно-европейскаго „мелкаго буржуа“ и „собственника“, и вы увидите, какъ быстро начнетъ уходить почва изъ подъ ногъ народничества, какъ начнутъ линять яркія краски его ученій, какъ скоро оно превратится въ скромную разновидность „научнаго“ соціализма. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Какъ и марксизмъ на Западѣ, русское народничество выросло на живой ткани жизни, крѣпкими корнями связано съ исторической средой. Измѣнится жизнь, перемѣнитъ пути историческое развитіе страны, и народничество можетъ потерять свой raison d etre.

Будетъ ли это такъ?

III.

Россія всегда была, и до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ остается, страной селъ и деревень. Деревня всегда жила и теперь живетъ преимущественно земледѣліемъ и другими добывающими промыслами. Земля—кормилица русскаго народа.

Отсюда громадное значеніе въ жизни деревни и, въ особенности, въ жизни главной массы деревенскаго населенія—крестьянства—формъ землевладѣнія и землепользованія. Отношеніе человѣка къ землѣ и отношенія людей другъ къ другу по землѣ—вотъ тотъ стержень, на которомъ вертится экономическая и правовая жизнь русской деревни.

Историческія формы русскаго крестьянскаго землевладѣнія обычно характеризуются выраженіями „общинное землевладѣніе“, „уравнительно-передѣльная земельная община“, „общинный бытъ“. Такая характеристика неточна и недостаточна. Она искусственно упрощаетъ тотъ *сложный* историческій конгломератъ, какимъ является русское крестьянское землевладѣніе. Понять послѣднее

СОУНБ им. В. Г. Белинского

можно, только разложивъ этотъ конгломератъ на его составныя части и прослѣдивъ развитіе элементовъ, его образующихъ, каждаго въ отдѣльности.

а) Русское крестьянство, въ его массѣ, никогда не знало правъ собственности на тѣ земли, на которыхъ оно сидѣло и которыя оно обрабатывало.

Это положеніе даже частично не совпадаетъ съ опредѣленіемъ крестьянскаго землевладѣнія, какъ землевладѣнія *общиннаго*. Мы знаемъ страны, какъ, напримѣръ, древній Египетъ,—въ которыхъ наука не отмѣтила даже слѣдовъ земельной общины, и которыя тѣмъ не менѣе, не знали крестьянской земельной собственности. Собственникомъ крестьянской,—если вообще не всей земли, было *государство*: крестьяне были только держателями земли. И, наоборотъ, въ современной Западной Европѣ мы встрѣчаемъ земельныя общины, принадлежащія коллективнымъ группамъ крестьянъ на неограниченныхъ правахъ собственности. *Русское крестьянство не знало ни индивидуальной, ни коллективной собственности на землю.*

Древній періодъ русской исторіи не оставилъ достаточно ясныхъ указаній для рѣшенія вопроса о томъ, существовала ли въ это время земельная собственность. Ученые вообще спорятъ, можно ли называть собственностью тѣ права на землю, которыя вырабатываются въ ранніе періоды жизни народовъ. Но какъ бы ни рѣшать этотъ вопросъ, принять ли вмѣстѣ съ одними широкое опредѣленіе собственности, подъ которое подойдутъ самыя раннія формы освоенія земли, или склониться къ другому рѣшенію, по которому названіе—собственность можетъ быть отдано только болѣе сложному комплексу правъ, который вырабатывается на позднихъ ступеняхъ развитія, -и въ томъ, и въ другомъ случаѣ можно смѣло сказать, что въ древній періодъ русской исторіи русское крестьянство не знало той полноты правъ на землю, которое мы вкладываемъ въ современное понятіе земельной собственности. Это происходило не потому, что права крестьянъ на землю были ограничены какою либо стоящей надъ ними властью. На ряду съ зависимымъ отъ крупнаго землевладѣльца крестьяниномъ, древняя Русь знала крестьянина свободнаго, независимаго, сидящаго на своей землѣ. Власть государства надъ крестьянской землей выработалась только въ слѣдующій Московскій періодъ. Слабость и неполнота правъ на землю въ ранніе періоды исторіи объясняются необъятнымъ земельнымъ просторомъ, малоцѣнностью даже уже обработанной земли, отсутствіемъ гражданскаго оборота на землю, слабой связью земледѣльца съ его участкомъ.

СОУНБ им. В.Г. Белинского

Дальнѣйшіе періоды исторіи народа устраняютъ всѣ эти препятствія на пути развитія и укрѣпленія правъ владѣльцевъ на землю и постепенно вырабатываютъ полныя и твердыя права земельной собственности.

Въ исторіи Россіи этого не случилось. Московское государство выработало правовой принципъ въ корнѣ подрывавшій ростъ собственническихъ правъ на землю у ея держателей. Медленно, но вѣрно собственность на землю или—чтобы избѣжать этого спорнаго слова—извѣстное количество вещныхъ правъ на землю сосредоточивалось въ рукахъ центральнаго Московскаго правительства. Процессъ этотъ постепенно захватывалъ не только пустыя, незанятыя земли и земли всѣхъ независимыхъ крестьянъ, не только конфискуемыя имѣнія и раздаваемыя за службу помѣстья; въ концѣ концовъ, онъ добрался даже до вотчинъ крупныхъ землевладѣльцевъ и превратилъ ихъ въ зависимое отъ правительства владѣніе. Центральное Московское правительство сдѣлалось верховнымъ собственникомъ всѣхъ земель, лежащихъ въ границахъ московскаго государства, или—иначе говоря—субъектомъ извѣстныхъ вещныхъ правъ на всѣ занятыя и незанятыя земли. Здѣсь не мѣсто выяснять причины этого явленія. Но самое явленіе должно быть твердо установлено и оцѣнено, какъ *одно изъ самыхъ кардинальныхъ всей русской исторіи*.

Дальнѣйшая судьба русскаго землевладѣнія и правъ государства на земли различныхъ держателей не одинаково по отношенію къ различнымъ категоріямъ земель. Начиная съ 17-го вѣка права государства на земли крупныхъ владѣльцевъ вотчинъ и помѣстій постепенно сокращаются, а права владѣльцевъ неуклонно растутъ. Въ 18 в. всѣ эти владѣнія превращаются въ частную земельную собственность, ничѣмъ неограниченную со стороны государства. Наоборотъ, права государства на участки крестьянъ, сидящихъ на своей землѣ и поселенныхъ на колонизуемыхъ правительствомъ государственныхъ земляхъ, а также на земельныя владѣнія мелкихъ служилыхъ людей, владѣвшихъ своими участками на помѣстномъ правѣ, неуклонно растутъ и крѣпнутъ. И въ болѣе ранніе періоды московскаго государства крестьяне, сидѣвшіе на своихъ земляхъ, прекрасно сознавали, что они не являются *собственниками своихъ участковъ*. „Та земля Великаго Князя, а моего владѣнія“, „та земля Божія, да Государева а росспаши и ржи наши“, „земля Великаго Князя, а отцовское и мое посилье“—вотъ выраженія, ясно рисующія крестьянское правосознаніе того времени. Но фактически государственная власть мало въ чемъ проявляла свои права на кре-

1880207
СОЦЭБИМ. В. Г. Белинского

стьянскія земли. Крестьяне могли свободно распоряжаться своими землями, и гражданскій оборотъ крестьянской земли зналъ мало ограниченій. Поздній періодъ московскаго государства и въ особенности, петербургскій періодъ нашей исторіи приноситъ въ этомъ отношеніи глубокую перемѣну. Государственная власть вплотную подходитъ къ свободному отъ помѣщичьей власти крестьянству и систематически ограничиваетъ земельныя права всѣхъ мелкихъ владѣльцевъ земли. Гражданскій оборотъ земли систематически стѣсняется и, въ концѣ концовъ, почти совершенно уничтожается, государство вмѣшивается во внутренній распорядокъ мелкаго землевладѣнія и начинаетъ производить уравнительные передѣлы земли. Создается громадное сословіе государственныхъ крестьянъ, въ которое входятъ различныя категоріи мелкихъ владѣльцевъ земли, и которое по численности (въ первой половинѣ 19-го в.) равнялось группѣ помѣщичьихъ крестьянъ, а по размѣрамъ землевладѣнія на много ее превосходило. На всемъ пространствѣ русскаго государства собственность на землю была распредѣлена между государственной властью и помѣщиками при чемъ.—принимая во вниманіе необъятныя пространства незанятой государственной земли—помѣщичья собственность была во много разъ меньше собственности государственной.

Надо, однако, принять во вниманіе, что и собственническія права помѣщиковъ на ихъ земли признавались только со стороны государства. Крестьяне, сидѣвшіе на помѣщьихъ земляхъ, этихъ правъ не признавали. „Мы ваши, а земля наша —вотъ обычная формула, опредѣлявшая отношеніе помѣщьихъ крестьянъ къ тѣмъ участкамъ земли, которые находились въ ихъ постоянномъ пользованіи. Это явленіе могло объясняться цѣлымъ рядомъ причинъ. Крестьяне могли сохранить подобные взгляды еще съ того времени, когда помѣщики дѣйствительно не были собственниками земли, а получали землю вмѣстѣ съ сидѣвшими на ней крестьянами отъ правительства за службу на условномъ помѣстномъ правѣ. Могло сказаться на правосознаніи помѣщьихъ крестьянъ вліяніе крестьянъ государственныхъ съ ихъ далекими отъ собственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ прочными правами на землю. Наконецъ, подобное міросозерцаніе могло выработаться подъ вліяніемъ довольно распространеннаго на помѣщичьихъ владѣніяхъ оброчнаго порядка держанія земли, при которомъ связь крестьянъ съ землей была особенно крѣпкой. Во всякомъ случаѣ и на помѣщичьихъ земляхъ, какъ и на государственныхъ, крестьянство не только не имѣло собственническихъ правъ на

СОЮЗ им. В. І. Ленинского

свои участки, но и не признавало такихъ правъ ни за какими другими частными лицами.

Крестьянскія реформы второй половины 19-го вѣка принесли съ собой мало перемѣнъ, могущихъ измѣнить традиціонные взгляды крестьянъ на землю. Крѣпостное землевладѣніе исчезло и права бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на ихъ крѣпостные надѣлы, хотя и въ урѣзанномъ видѣ, были утверждены закономъ. Земли, какъ бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ крестьянъ, были переведены на выкупъ, и этимъ положено основаніе для пріобрѣтенія крестьянами, хотя и въ отдаленномъ будщемъ, полныхъ правъ собственности на ихъ надѣлы. Но именно только въ отдаленномъ будущемъ. Пока же все землевладѣніе различныхъ категорій крестьянъ слилось въ одну громадную однородную массу „надѣльнаго" землевладѣнія, правовое основаніе котораго было также далеко отъ собственности, какъ землевладѣніе дореформенныхъ государственныхъ крестьянъ. И если возможно отыскать субъекта собственническихъ правъ въ сложномъ и запутанномъ институтѣ надѣльнаго землевладѣнія, то такимъ субъектомъ можно считать только одно государство. Характерно, что и дальнѣйшая политика государственной власти шла не въ направленіи къ укрѣпленію крестьянскихъ правъ на землю и приближенію ихъ къ правамъ собственности, наоборотъ, въ направленіи урѣзыванія и ограниченія земельныхъ правъ крестьянъ и подчеркиванія правъ государственной власти на крестьянскія земли (законъ 1893 г.). Государственная власть какъ будто боялась уступить малѣйшую частицу своихъ правомочій и создать у крестьянъ иллюзію свободы хотя бы по отношенію къ ихъ собственной землѣ. Съ такими правами на землю русское крестьянство вступило и въ чреватый событіями двадцатый вѣкъ.

Резимируя вышеизложенное, надо сказать:

Земельная собственность частныхъ лицъ, какъ индивидуальная, такъ и коллективная, не играла значительной роли въ исторіи русскаго землевладѣнія. Русская исторія могла знать частнаго земельнаго собственника въ ранніе періоды, когда государственная власть еще не успѣла присвоить себѣ свою долю правъ на земли частныхъ владѣльцевъ; знала она его и въ поздній петербургскій періодъ, когда государственная власть добровольно уступила свои права одной категоріи держателей земли. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ земельными собственниками были крупные привилегированные землевладѣльцы—бояре, помѣщики—дворяне. Русское крестьянство никогда правъ собственности на свои земли не знало. Не признавало такихъ правъ на свои уча-

Государственная публичная библиотека им. В.Г. Белинского г. Свердловск

СОУНБ им. В.Г. Белинского

стки и за помѣщиками. Права собственности на землю сосредоточивались главнымъ образомъ въ рукахъ государства. Въ исторіи земельной собственности государство играло главную, доминирующую роль. Начиная съ московскаго періода оно являлось собственникомъ необъятныхъ земельныхъ пространствъ. Его земельныя права простирались временами на всѣ безъ изъятія категоріи землевладѣнія, временами сосредоточивались на земляхъ мелкихъ свободныхъ держателяхъ земли. Русское крестьянство прошло многовѣковую суровую школу жизни и труда на землѣ, въ которой понятіе земельной собственности не фигурировало Изъ этой школы крестьянство вышло крѣпкимъ и закаленнымъ съ твердо выработаннымъ правовымъ міросозерцаніемъ. Это міросозерцаніе оно и принесло съ собой, когда выступило на арену политической борьбы.

Чтобы до конца понять правовыя основы крестьянскаго „земельнаго" міросозерцанія, необходимо указать еще на одно явленіе въ исторіи русскаго крестьянства, связанное уже не только съ исторіей землевладѣнія, но и со всей исторіей русскаго народа. Исторія Россіи есть исторія колонизаціи страны. Это положеніе стало прочнымъ достояніемъ русской исторической науки. По необъятнымъ, почти незаселеннымъ пространствамъ земли, окружающимъ освоенныя и населенныя центральныя территоріи русскаго государства, съ незапамятныхъ временъ гдѣ мелкими ручейками, гдѣ широкими потоками, разливалось вольное и невольное колонизаціонное движеніе. Кому принадлежала эта свободная полупустынная земля, которую, районъ за райономъ осваивали приливающія партіи колонизаторовъ? Народное правосознаніе давало опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. То была земля „ничья", „Божья". Народническая идеологія охотно пользовалась этими выраженіями и, основываясь на нихъ, легко приходила къ выводу, что правосознаніе народа въ корнѣ противорѣчитъ всякимъ собственническимъ правамъ на землю. Это, конечно, не такъ. Крестьянскій взглядъ на землю, какъ на „ничью", „Божью", относился только именно къ этимъ *свободнымъ незаселеннымъ пространствамъ земли.* Но и по отношенію къ нимъ выраженіе „ничья", „Божья"—далеко еще не означаютъ отрицанія собственническихъ правъ. Земля ничья, Божья, потому что на ней никто не сидитъ, потому что права на нее не закрѣплены ни за какими *частными* лицами—крестьянами или помѣщиками Но у правовой формулы, опредѣляющей народный взглядъ на свободныя земли, есть и третій членъ, выясняющій истинный смыслъ первыхъ двухъ. Земля не только „ничья", „Божья"—она,

СОУНБ им. В. Г. Белинского

и „царская“. И у свободной земли есть собственникъ, это—государственная власть. Колонистъ-крестьянинъ, выходецъ изъ старыхъ населенныхъ территорій, большею частью самъ бывшій сидѣлецъ на государственной землѣ, прошедшій суровую школу государственной земельной политики, не могъ вкладывать иного смысла въ свою тріединую формулу. Впрочемъ, государственная власть сама очень быстро подтверждала правильность такого пониманія. И на новой колонизованной землѣ крестьянинъ не долго оставался въ покоѣ. И сюда приходила государственная власть и предъявляла свои права на освоенныя имъ земли. Если бы у колониста и могли появиться какія либо иллюзіи относительно земли, то онѣ очень скоро разсѣялись бы. Исторія Россіи не только исторія колонизаціи; она есть исторія колонизаціи *государственной земли.*

Но это не все. Государство имѣло права собственности на всѣ свободныя, незанятыя земли. Но основанія и выявленія правъ государственной земельной собственности могутъ быть различны. Государство можетъ владѣть землей на частномъ, гражданскомъ правѣ и распоряжаться ею, какъ частнымъ имуществомъ. Государство можетъ создать для защиты своихъ земельныхъ владѣній особыя публично-правовыя нормы и все таки распоряжаться землей почти такъ же, какъ распоряжается частнымъ имуществомъ. Русская государственная власть по этому пути не пошла. Огромный запасъ свободной земли, принадлежащій ей на правахъ неограниченнаго владѣнія, она превратила въ государственный земельный фондъ, предназначенный для вольной заимки и правительственнаго надѣленія прибывающихъ колонистовъ. Всякій крестьянинъ, получившій возможность уйти съ того участка земли, на которомъ онъ раньше сидѣлъ (а это не всегда было легко сдѣлать), имѣлъ право на новый земельный надѣлъ изъ государственнаго колонизаціоннаго фонда. Въ русскомъ крѣпостномъ государствѣ выработалось своеобразное субъективно-публичное крестьянское право на свободныя государственныя земли Государственная земельная собственность была обращена въ народное *достояніе.* Знаменитое крестьянское „право на землю“, такъ часто упоминаемое изслѣдователями русскаго землевладѣнія и русской общины, выработалось именно здѣсь, на этихъ свободныхъ государственныхъ земляхъ, на этомъ земельномъ народномъ „достояніи“. Выявленіе этого „права на землю“ въ уравнительно-передѣльной общинѣ есть явленіе вторичное, производное. Неправильно думать, что имѣвшій въ годы революціи такой поразительный успѣхъ среди трудовыхъ массъ лозунгъ общегражда-

СОУНБ им. В. Г. Белинского

скаго права на землю, является только дальнѣйшимъ развитіемъ правовыхъ воззрѣній, выработанныхъ крестьянскимъ сознаніемъ въ болѣе узкихъ предѣлахъ уравнительно-передѣльной общины. Само уравнительно-передѣльное общинное право могло вырости только въ той атмосферѣ, въ которой вѣками жило все крестьянское землевладѣніе въ атмосферѣ, въ которой быстро глохли ростки собственническихъ правъ крестьянъ на землю, и въ которой пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтали крестьянскія права на „народное земельное достояніе". Лозунгъ общегражданскаго права на землю имѣлъ одинаково широкое распространеніе, какъ въ районахъ уравнительно-передѣльной общины, такъ и районахъ, никогда такихъ формъ землевладѣнія не знавшихъ.

Русское крестьянство никогда не знало правъ собственности на свои земли; и оно знало субъективно-публичныя права на свободныя земли государства. Такова главная „особенность" русскаго крестьянскаго землевладѣнія, воспитавшая самыя характерныя черты цѣлостнаго крестьянскаго „земельнаго" міросозерцанія.

Перейдемъ теперь къ слѣдующей.

б) Русское крестьянство никогда не знало чисто индивидуальныхъ формъ владѣнія землей. Исторія крестьянскаго землевладѣнія есть исторія борьбы и побѣды коллективныхъ началъ надъ началами индивидуальными.

Выше было указано, что русское крестьянство не знало ни индивидуальной, ни коллективной *собственности* на землю. Теперь можно показать, что въ исторіи крестьянскаго земельнаго *владѣнія* элементы индивидуализма играли относительно незначительную роль и систематически отступали передъ элементами коллективизма.

Исторія коллективныхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія— *исторія* русской земельной общины еще не написана. Особенно темны въ этомъ отношеніи начальные періоды нашей исторіи. Но все таки и теперь уже общіе контуры исторіи земельной общины, необходимые для цѣли этой статьи, могутъ быть намѣчены.

Начальное заселеніе страны славянскими племенами и дальнѣйшее разселеніе могло совершаться только *группами и союзами* людей. Только вполнѣ организованное государство, простирающее свою охрану на самые отдаленные и незаселенные пункты своей территоріи, можетъ создать нужныя условія для колонизаціи страны семьями и отдѣльными лицами. Изслѣдователи Сибирской земельной общины, изучавшіе процессъ заселенія Сибири въ послѣднія десятилѣтія 19-го вѣка и наблюдавшіе случаи инди-

СОУНБ им. В. Г. Белинского

видуальнаго и семейнаго разселенія, придали слишкомъ большое значеніе этимъ случаямъ, обобщили ихъ и даже попытались перенести на болѣе ранніе періоды колонизаціи Россіи. Это, конечно, неправильно. Нельзя сравнивать колонизацію Сибири въ концѣ 19-го вѣка не только съ колонизаціей Европейской Россіи, совершавшейся на протяженіи многихъ столѣтій, но и съ колонизаціей Сибири 17-го и 18-го вѣка. Колонизація страны на сѣверѣ и востокѣ (на югѣ она имѣла другой характеръ) шла среди, хотя и рѣдкаго, и мало воинственнаго, но все же инороднаго, враждебно настроеннаго и неохотно уступавшаго свои земли, населенія. Интересы защиты должны были играть большую роль у разселяющихся колонистовъ. Но и помимо защиты, интересы хозяйственные, религіозные и гражданскіе, толкаютъ на путь групповой, а не индивидуальной колонизаціи. Колонизація должна была совершаться въ болѣе ранніе періоды родовыми, въ болѣе поздніе дружинными, артельными и иного рода союзами. Не надо только изъ положенія о групповомъ характерѣ колонизаціи дѣлать неправильный выводъ о групповомъ характерѣ начальныхъ *поселеній* на колонизируемой землѣ. Наоборотъ, историческія данныя говорятъ за то, что наиболѣе распространенный русскій типъ начальныхъ поселеній есть поселеніе хуторское или поселеніе деревнями-карликами въ два-три двора. Персональный союзъ колонистовъ, осѣдая на землю, селился отдѣльными хуторами или деревнями-карликами, но союзной связи не порвалъ, а изъ персональнаго превращался въ союзъ земельный (и территоріальный для религіозныхъ, судебно-полицейскихъ и финансовыхъ нуждъ). Коллективныя права союза распространялись на все то пространство земли, въ предѣлахъ котораго располагались поселенія колонистовъ—членовъ союза. Такъ коллективныя права на землю возникаютъ съ первыхъ моментовъ заселенія страны.

Значитъ ли это, что земельная община есть *искконное* явленіе русской исторіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ того, какое содержаніе вкладывать въ понятіе „земельная община". Если подъ земельной общиной понимать земельное владѣніе, извѣстная, хотя бы и самая минимальная, доля правъ на которое принадлежитъ коллективному союзу, тогда земельная община существовала на самой зарѣ русской исторіи. Если же земельной общиной считать только такое земельное владѣніе, въ которомъ права коллективности достигли большой высоты, коллективность вмѣшивается во владѣніе, распоряженіе и пользованіе землей своихъ членовъ, тогда о земельной общинѣ въ ранніе періоды нашей исторіи не можетъ быть и рѣчи.

СОЧЕВИ ИМ. В.Г. БЕЛИНСКОГО

При осѣданіи на землю союза колонистовъ права на землю распредѣляются между отдѣльными колонистами-хуторянами и всѣмъ союзомъ-общиной; хотя долгое время остаются совершенно неразграниченными. Вначалѣ индивидуальныя права идутъ далеко впереди общинныхъ. Отдѣльные члены общины занимаютъ столько земли, сколько находятъ нужнымъ и распоряжаются ею безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій со стороны общины. Права коллективности выражаются только въ томъ, что коллективность тщательно оберегаетъ общинную территорію отъ захвата посторонними лицами и допускаетъ новыхъ поселенцевъ только съ своего разрѣшенія. Неправильно утверждать, что и въ этотъ періодъ коллективность обладаетъ большими правами, что права эти пока только латентны, скрыты. Права, не выраженныя въ юридическихъ актахъ и не существующія въ сознаніи заинтересованныхъ лицъ, не существуютъ и вообще. „Права—дѣти нужды". Въ эти ранніе періоды поселеній, при широкомъ земельномъ просторѣ, у коллективности нѣтъ нужды вмѣшиваться во внутренній распорядокъ союзнаго владѣнія землей; ея роль ограничивается защитой общинныхъ владѣній извнѣ.

Сокращеніе земельнаго простора и увеличеніе цѣнностей земли вызываютъ необходимость дальнѣйшаго развитія земельныхъ правъ. Индивидуальныя права отдѣльныхъ поселенцевъ и права коллективности — общины начинаютъ постепенно крѣпнуть и кристаллизироваться. Нѣкоторое время индивидуальныя и коллективныя права на землю растутъ и развиваются параллельно, не мѣшая другъ другу и не вступая другъ съ другомъ въ острые конфликты. Ростъ индивидуальныхъ правъ идетъ въ направленіи укрѣпленія и расширеніи правъ на уже захваченные участки земли. Ранніе періоды исторіи не знаютъ не только собственности на землю, но и гражданскаго оборота земли. Теперь гражданскій оборотъ земли возникаетъ и функціонируетъ безъ всякихъ препятствій со стороны общины. Правда, ростъ индивидуальныхъ правъ не приводитъ въ крестьянскомъ землевладѣніи къ частной земельной собственности. Но это ужъ вина не общины, а государства.

Одновременно растутъ и права коллективности, сосредоточиваясь пока на пространствахъ союзной земли, еще не занятой отдѣльными членами общины. Коллективность начинаетъ сознавать себя хозяиномъ этой земли и регулировать дальнѣйшій захватъ ея въ индивидуальное владѣніе. Вначалѣ ограничивается такъ называемый „символическій" захватъ. Теперь считается недостаточно намѣтить знаками захватываемый участокъ, его не-

СОУНБ ім. В. Г. Бєлінського

обходимо освоить трудомъ, пустить подъ обработку. Далѣе община начинаетъ уже ограничивать права владѣнія и распоряженія этими участками земли. Право владѣнія на участки, занятые отдѣльными общинниками въ этотъ поздній періодъ „ограниченнаго“ захвата, признается коллективностью только до тѣхъ поръ, пока производится дѣйствительная обработка этихъ участковъ. Когда эксплуатація участковъ почему-либо прекращается, земля—черезъ извѣстный льготный срокъ—возвращается къ общинѣ. Ограничивается или совсѣмъ воспрещается и гражданскій оборотъ этихъ участковъ. Наконецъ, община кладетъ окончательный запретъ на вольный захватъ общинной земли и если еще практикуетъ отводъ свободной земли въ индивидуальное владѣніе, то только по своему усмотрѣнію и рѣшенію.

Теперь наступаетъ моментъ, когда ростъ коллективныхъ правъ подводитъ ихъ вплотную къ индивидуальнымъ правамъ отдѣльныхъ общинниковъ, и когда коллективныя права на землю вступаютъ въ длительную и порой ожесточенную борьбу съ правами индивидуальными. Борьба идетъ за землю, уже давно освоенную отдѣльными дворами и, въ иныхъ случаяхъ, цѣлыя столѣтія находившуюся въ индивидуальномъ владѣніи. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ индивидуальныя права успѣли уже настолько окрѣпнуть и кристаллизироваться, что борьба съ ними неизбѣжно должна принять длительный и порой насильственный характеръ (случай сѣверной общины европейской Россіи). Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда индивидуальныя права относительно недавняго происхожденія, борьба проходитъ сравнительно легко и быстро (вѣроятно, наиболѣе частый случай въ исторіи Сибирской общины). Но и въ тѣхъ, и въ другихъ случаяхъ борьба кончается рѣшительной побѣдой коллективности. Нельзя говорить, что для такой побѣды коллективныхъ правъ надъ индивидуальными достаточно, чтобы государство держало себя *нейтрально*, и что въ общемъ именно такую позицію и занимала русская государственная власть. Въ организованномъ государствѣ индивидуальныя права вообще, въ особенности индивидуальныя имущественныя права могутъ быть сохранены только въ томъ случаѣ, если государственная власть беретъ ихъ защиту на себя. Русская государственная власть, отказываясь защищать индивидуальныя земельныя права мелкихъ владѣльцевъ и предоставляя разборъ земельныхъ дѣлъ деревенскимъ и волостнымъ судамъ, съ головой выдавала права отдѣльныхъ владѣльцевъ коллективности.

Община начинаетъ съ отрѣзки отдѣльныхъ кусковъ земли у однихъ владѣльцевъ и отвода ихъ другимъ, затѣмъ передѣляетъ

СОУНБ им. Р. Г. Бельмского

нѣкоторые участки земли и, наконецъ, пускаетъ всѣ бывшіе участки индивидуальныхъ владѣльцевъ въ общій передѣлъ. На этой стадіи развитія уже нельзя больше говорить о существованіи индивидуальныхъ правъ въ противоположность правамъ коллективнымъ. Во всякомъ случаѣ, индивидуальныя права членовъ общины имѣютъ мало общаго съ обычными имущественными правами частныхъ лицъ. Какъ и крестьянскія права на свободныя государственныя земли, права отдѣльныхъ членовъ общины на общинныя земли несутъ въ себѣ элементы *субъективно-публичнаго* права на землю и ни въ какую систему частнаго права не укладываются [1]).

Такъ заканчивается развитіе борьбы индивидуальныхъ и коллективныхъ правъ въ исторіи крестьянскаго землевладѣнія. Ростки коллективизма, существованіе которыхъ въ крестьянскомъ землевладѣніи можно установить въ самыхъ начальныхъ стадіяхъ поселенія, развиваются въ мощное дерево передѣльной общины, въ тѣни которой глохнутъ болѣе слабые побѣги индивидуализма. И крестьянское „земельное" міросозерцаніе медленно, но вѣрно отражающее эволюцію формъ землевладѣнія, насквозь пропитывается элементами коллективизма.

Необходимо при этомъ помнить, что помимо общинныхъ формъ владѣнія землей, которыя, вплоть до новѣйшаго аграрнаго законодательства, захватывали около 80% крестьянскаго землевладѣнія европейской Россіи и почти все землевладѣніе Сибири, и такъ называемое „подворное" землевладѣніе, обычно противопоставляемое землевладѣнію общинному, ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться чистымъ типомъ индивидуальнаго землевладѣнія. Подворная форма владѣнія землей распространена преимущественно въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, сравнительно недавно присоединенныхъ къ Россіи. *Историческія судьбы* этихъ областей и формы *государственности*, въ которыхъ развивалось мѣстное крестьянское землевладѣніе, значительно отличаются отъ всей остальной Россіи. Было бы ошибочно думать, что крестьянское землевладѣніе этихъ областей продѣлало ту же эволюцію, что и землевладѣніе общинныхъ губерній, т. е. дошло до высшихъ сту-

---

[1]) Что по своимъ основаніямъ общинное земельное право есть право публичное, можно видѣть изъ того, что и въ Западной Европѣ средневѣковая земельная община сохранилась только въ тѣхъ случаяхъ, когда общинная земля сдѣлалась собственностью публично-правовыхъ институтовъ — политическихъ коммунъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда этого не случалось, общинная земля превращалась въ общую собственность отдѣльной группы лицъ, откуда до индивидуальной собственности только одинъ шагъ.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

пеней коллективнаго землевладѣнія въ видѣ передѣльной общины; но что, дойдя до этой предѣльной вершины, общинное землевладѣніе стало разлагаться и превратилось въ чистый типъ индивидуальнаго владѣнія. Иначе говоря, что „подворное“ землевладѣніе есть продуктъ *разложенія* предѣльной общины. Надо сказать обратное. „Подворное“ землевладѣніе (это особенно примѣнимо къ малороссійскимъ губерніямъ) есть *недоразвившаяся* форма коллективнаго владѣнія, въ которой борьба коллективныхъ началъ и индивидуальныхъ остановилась на *компромиссѣ*, гдѣ коллективность, успѣвъ укрѣпить за собой свободныя еще, незанятыя отдѣльными общинниками пространства союзной территоріи—главнымъ образомъ лѣса, пастбища, луга—безпомощно остановилось передъ затвердѣвшими индивидуальными правами на давно освоенные участки. Русское общественное мнѣніе настолько привыкло къ высшимъ формамъ коллективнаго владѣнія землей—передѣльной общинѣ,—что смѣшанныя формы, въ которыхъ коллективное начало играетъ только подчиненную роль, кажутся уже чистыми формами индивидуальнаго владѣнія. А между тѣмъ Западная Европа почти и не знаетъ другихъ формъ коллективнаго землевладѣнія, кромѣ „подворныхъ“.

Руское крестьянское землевладѣніе строилось преимущественно на коллективныхъ началахъ. Русское крестьянство прошло долгую школу земледѣльческой жизни, въ которой начала коллективизма играли преобладающую роль.

Такова вторая „особенность“ крестьянскаго земельнаго быта.

Остается сказать нѣсколько словъ о третьей и послѣдней.

в) Крестьянская земельная община на высшихъ ступеняхъ своего развитія передѣляетъ періодически землю между своими членами на уравнительныхъ началахъ. Русское крестьянское землевладѣніе полно элементовъ эгалитаризма.

Эта „особенность“ крестьянскаго земельнаго быта, наиболѣе извѣстная и популярная въ кругахъ народничества, значительно болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ двѣ другія. Мнѣніе о глубокой древности *передѣльной* общины оставлено. Только въ центральной Россіи начало передѣловъ можетъ быть отнесено къ 14 или 15 вѣку. Широкаго распространенія они достигли и здѣсь только въ слѣдующія столѣтія. Въ остальныхъ районахъ Россіи—на сѣверѣ, востокѣ и югѣ—начало передѣловъ приходится на конецъ 18-го и, преимущественно, на 19-ый вѣкъ. Можно сказать, что именно 19-ый вѣкъ—вѣкъ пара и капитализма—является вѣкомъ наивысшаго расцвѣта и распространенія русской передѣльной земельной общины. И замѣчательно, что послѣдняя ши-

СОУБ им. В.Г. Белинского

рокая волна передѣльнаго движенія прокатилась почти въ самомъ концѣ 19-го столѣтія, когда община бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, замершая было на нѣкоторое время послѣ реформы 61-го года, снова вернулась къ интенсивной предѣльной жизни.

Но самымъ характернымъ для этой поздней эпохи общиннаго крестьянскаго землевладѣнія являются не передѣлы сами по себѣ. Характерны тѣ принципы, тѣ начала, на основаніи которыхъ производятся передѣлы земли. Передѣльная община не всегда носитъ въ себѣ элементы эгалитаризма. Передѣляетъ свои земли „долевая" община, очень далекая отъ принциповъ равенства. Передѣляютъ свои земли и осѣдающіе кочевники нашихъ степей, но передѣляютъ ее по „скоту", по „богатству", т. е. кладя въ основу дѣленія неравенство, привилегію богача передъ бѣднякомъ. Русская передѣльная община построена на принципѣ полнаго равенства всѣхъ своихъ членовъ передъ землей. Эгалитарный принципъ—„душа" русской *передѣльной* общины. Развиваясь вмѣстѣ съ эволюціей общины, онъ доходитъ до высокихъ степеней совершенства и чистоты. Черезъ историческія, связанныя съ податной системой обложенія, формы разверстки земли по „тягламъ", по „вытямъ", по „ревизскимъ душамъ", община переходитъ къ чисто хозяйственнымъ разверсткамъ по дворамъ, по рабочимъ душамъ, наконецъ, по всѣмъ наличнымъ душамъ мужескаго и женскаго пола. Въ этихъ послѣднихъ—потребительныхъ—формахъ разверстки эгалитарный принципъ достигаетъ своей вершины.

Вмѣстѣ съ нимъ, въ лабораторіи уравнительно-предѣльной общины, вырабатываются и наиболѣе яркія „эгалитарныя" черты крестьянскаго земельнаго міросозерцанія.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Историческій анализъ русскаго крестьянскаго земельнаго строя открылъ намъ его основныя „особенности“: отсутствіе собственническихъ правъ на землю, право на свободный государственный фондъ, коллективизмъ формъ землевладѣнія, эгалитаризмъ въ системахъ разверстки земли.

„Какъ возможны“ эти „особенности?“ „Какъ возможно“ ихъ историческое появленіе, ихъ историческое бытіе?

Славянофилы, опираясь на чешскихъ и польскихъ ученыхъ, приписывали „особенности“ земельнаго быта свойствамъ славянскаго племени и „духу“ русскаго народа Теорія эта давно сдана наукой въ архивъ.

Большимъ авторитетомъ пользовалась и до сихъ поръ имѣетъ широкій кругъ сторонниковъ другая теорія, разсматривающая земельную общину, какъ „стадію“, „ступень“ общей всему міровому землевладѣнію эволюціи. Землевладѣніе всѣхъ странъ и народовъ начинается коллективными формами владѣнія. Сначала земельное хозяйство ведется совмѣстно всѣмъ коллективнымъ союзомъ на общинной землѣ; затѣмъ отдѣльными членами союза индивидуально, но на періодически передѣляемой общинной землѣ; далѣе, передѣлы пахотной земли прекращаются, и пахотные участки становятся индивидуальной собственностью отдѣльныхъ членовъ союза, но сохраняются еще общинныя угодья —лѣсъ, выгонъ, лугъ; наконецъ, и эти угодья раздѣляются между владѣльцами пахотныхъ участковъ, и воцаряется чистая индивидуальная собственность на землю. На этой послѣдней стадіи находится Западная Европа теперь, пройдя стадію передѣльной общины еще въ пер-

СОУНБ им. В.Г. Белинского

вые вѣка нашей эры. Естественному процессу разложенія общины способствовали тамъ „внѣшнія“ силы: феодальные владѣльцы, государственная власть. Россія еще переживаетъ передѣльно-общинную стадію. Силы на Западѣ, враждебныя общинѣ—крупные землевладѣльцы и государственная власть,—въ Россіи относились къ ней благопріятно. Это дало возможность Русской общинѣ достигнуть высокаго развитія и сохраниться до нашего времени.

И эта теорія отживаетъ свой вѣкъ. „Das kurze Leben einer vielgenannten Theorie“ — какъ про нее выразился проф. Below— приходитъ къ концу. За нее еще многіе держатся по традиціи, но у нея нѣтъ новыхъ убѣжденныхъ защитниковъ. И именно изученіе русской общины нанесло этой теоріи самые сильные удары. Теперь выяснилось, что община далеко не является первоначальной формой земельнаго владѣнія, что она развивается въ болѣе поздніе періоды жизни народовъ. Что большинство народовъ знаетъ только зачаточныя формы коллективнаго владѣнія и совсѣмъ не знаетъ передѣльной общины. Что Западная Европа— за немногими исключеніями—знала коллективное владѣніе только второстепенными угодьями—лѣсомъ, выгономъ, лугомъ—и всегда владѣла пахотными участками на индивидуальномъ правѣ. Что, если допустить существованіе передѣловъ въ Западной Европѣ въ раннее средневѣковье, то передѣлы эти (оставляя въ сторонѣ рѣдкіе случаи долевого землевладѣнія) могли вызываться только потребностью въ уничтоженіи черезполосицы и исправленіи границъ и никогда не носили характера *уравнительности*. Что, вообще, уравнительная разверстка земли въ общинѣ представляетъ довольно рѣдкое и исключительное явленіе во всей міровой исторіи. Что, наконецъ, только въ древнемъ государствѣ Инковъ, на современной Явѣ (быть можетъ, въ исторіи Индіи) можно найти нѣкоторое сходство съ той удивительной комбинаціей „особенностей“ земельнаго строя, какую мы встрѣчаемъ въ Россіи. *Русскій крестьянскій земельный строй представляетъ собой глубоко индивидуальное и неповторяемое явленіе въ міровой исторіи землевладѣнія.* Отживающая теорія общихъ „стадій“ и „ступеней“ мало можетъ помочь выясненію историческаго происхожденія и бытія этого строя.

Изложенная теорія возникла болѣе полустолѣтія тому назадъ, когда „міровые законы“, „законы исторіи“, „законы эволюціи, общіе для всѣхъ странъ и народовъ“, пользовались большой популярностью въ общественныхъ наукахъ. Русскіе марксисты и до сихъ поръ охотно прибѣгаютъ къ помощи подобныхъ построеній. И еще охотнѣе любятъ смѣяться надъ народниками за ихъ вѣру

СОУНБ им. В.Г. Белинского

въ „особые“ пути развитія Россіи.—Все это въ настоящее время является, по меньшей мѣрѣ, анахронизмомъ, если не сказать больше. Можно говорить *о типахъ* историческаго развитія, но нельзя теперь говорить объ историческихъ *законахъ*, тѣмъ менѣе о „міровыхъ“ законахъ исторіи. Можно говорить объ общихъ „ступеняхъ“ и „стадіяхъ“, но только въ *предѣлахъ опредѣленной эпохи и цивилизаціи*, и всегда съ большой осторожностью и большими оговорками. Россія пережила „особую“, глубоко индивидуальную, непохожую на другія страны—въ частности на страны Западной Европы,—жизнь, и потому путь ея развитія „особый“, оригинальный, ни на какіе другіе пути не сводимый. Страны Западной Европы, жившія въ предѣлахъ единой, общей для нихъ всѣхъ, „Западно-Европейской“ цивилизаціи, прошли тоже „особый“ историческій путь, непохожій на пути другихъ странъ и цивилизацій—древняго Вавилона, Египта, Греціи, Византіи и современнаго Китая, Японіи и Индіи. Отрицать „особый“ путь развитія Россіи можно только, включивъ ее въ рамки „Западно-европейской“ цивилизаціи. Но сдѣлать это нельзя, не произведя грубаго насилія надъ всей исторіей русскаго народа.

Русская историческая наука—въ вопросѣ объ „особенностяхъ“ русскаго земельнаго строя- *въ общемъ* всегда стояла на правильномъ пути. Въ общемъ и цѣломъ, она всегда стремилась „особенности земельнаго быта“ вывести изъ „особенностей“ всего историческаго развитія Россіи. Исторія великаго народа и великой страны, какъ и біографія великихъ людей, всегда глубоко индивидуальна и неповторяема. Возстановить ее представляетъ необычайныя трудности. И „загадки“ русской исторіи не только не разгаданы, но далеко еще не всѣ поставлены. Много темнаго и неяснаго осталось и въ вопросѣ объ историческихъ судьбахъ „особенностей“ крестьянскаго земельнаго строя и объ условіяхъ, вызвавшихъ къ жизни и создавшихъ возможность удивительнаго развитія этого строя Русской исторической наукѣ еще предстоитъ благодарная задача поставить во всю широту этотъ вопросъ—такой глубокій и животрепещущій для Россіи—и дать на него исчерпывающій отвѣтъ.

Но *нѣкоторыя* стороны этого вопроса и теперь уже достаточно освѣщены, нѣкоторыя частныя проблемы и теперь уже удовлетворительно рѣшаются.

Теперь можно смѣло сказать, что „особенности“ русскаго земельнаго быта не являются „пережитками“ первобытныхъ формъ землевладѣнія. Что ихъ нельзя считать остатками древней Руси, „сохранившимися“ въ глуши деревенской жизни. Что онѣ заро-

СОЦИУМ ИМ. В.И. ВЕЛИНСКОГО

дились и жили въ условіяхъ—географическихъ, экономическихъ, государственныхъ, культурныхъ, — въ которыхъ протекала вся жизнь русскаго народа. Что вмѣстѣ съ русскимъ народомъ онѣ неуклонно шли впередъ, развивались и изъ слабаго зародышеваго состоянія выросли въ мощный соціальный институтъ, опредѣлявшій и опредѣляющій многія стороны исторической жизни Россіи. Словомъ, что онѣ продуктъ всей русской исторіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ являются наиболѣе характерными и—я глубоко убѣжденъ въ этомъ — наиболѣе прекрасными чертами историческаго лица русскаго народа.

Былъ-ли путь развитія русскаго крестьянскаго земельнаго строя „нормальнымъ", „естественнымъ"?

Ученые и идеологи общественныхъ теченій много спорили и спорятъ на эту тему. Для однихъ переходъ отъ начальныхъ „захватныхъ" формъ землевладѣнія—съ ихъ неопредѣленнымъ характеромъ правъ на землю, съ ихъ смѣшеніемъ коллективныхъ и индивидуальныхъ началъ — къ индивидуальной собственности на землю кажется единственно нормальнымъ и естественнымъ. Имъ, поэтому, кажется естественной и нормальной та эволюція, которую продѣлало землевладѣніе Западной Европы. Для объясненія эволюціи русскаго земельнаго строя они ищутъ „особыя" причины, „внѣшнія" вліянія, „искусственныя" условія—главнымъ образомъ, въ видѣ государственной и помѣщичьей власти.

Для другой стороны, „естественнымъ" кажется ростъ коллективныхъ началъ и „нормальнымъ" — переходъ отъ захватнаго владѣнія къ передѣльной общинѣ. Для этой стороны — развитіе русскаго земельнаго строя протекало естественно и нормально, при—въ общемъ и цѣломъ—нейтральномъ отношеніи постороннихъ силъ,—государства и помѣщиковъ. И, наоборотъ, „искуственнымъ", обусловленнымъ „внѣшними" вліяніями былъ путь, пройденный земледѣліемъ Западной Европы.

Я думаю, что вмѣстѣ со „всеобщими законами исторіи" надо выбросить и „естественные", „нормальные" пути развитія. Нѣтъ естественныхъ имманентныхъ путей развитія формъ землевладѣнія. Индивидуальная земельная собственность такъ же мало „присуща" человѣку и „свойственна" земельному хозяйству, какъ и передѣльная община. Западно-Европейскій путь развитія землевладѣнія былъ такъ же естественъ въ историческихъ условіяхъ Западной Европы, какъ естественна эволюція русскаго земельнаго строя въ условіяхъ исторической жизни Россіи. Нельзя представлять себѣ, что развитіе формъ землевладѣнія протекаетъ въ обстановкѣ, напоминающей химическую реторту, изъ которой выка-

СОУНБ им. В.Г. Белинского

чали воздухъ и удалили всѣ посторонніе элементы. Исторія землевладѣнія развертывается въ атмосферѣ сложной, многообразной жизни народовъ. Въ частности, коллективныя формы землевладѣнія достигаютъ, обыкновенно, значительнаго развитія тогда, когда народная жизнь уже выходитъ изъ узкихъ рамокъ примитивнаго племенного строя и вступаетъ въ дифференцированную среду государственнаго бытія. Формы землевладѣнія, въ особенности формы коллективныя,—основной стержень, вокругъ котораго вертится вся жизнь деревни; въ этихъ формахъ, какъ въ фокусѣ, собираются и преломляются всѣ сложныя теченія и „силы", которыми насыщена жизнь народа въ государственный періодъ его существованія и которыя, рано или поздно, въ томъ или другомъ видѣ, доходятъ и до деревни. Считать эти силы, въ особенности такія, какъ помѣщичья власть и власть государственная, „внѣшними", „посторонними"—значитъ искусственно упрощать жизнь деревни, сводить ее къ чисто хозяйственной и при томъ исключительно крестьянской ячейкѣ и, такимъ образомъ, представлять ее въ глубоко ложномъ свѣтѣ. Всякій путь развитія землевладѣнія „естествененъ" и „нормаленъ", пока дѣйствительно посторонняя сила—нашествіе иноплеменниковъ и, въ особенности, варваровъ—не придетъ и не смѣшаетъ всѣ карты. Ни въ исторіи Россіи, ни въ исторіи странъ Западно-Европейской цивилизаціи такіе случаи почти не играли никакой роли.

Сторонники государственнаго происхожденія русской общины представляютъ „особенности" русскаго земельнаго быта, какъ „продуктъ" государственной политики, „произведеніе" русской государственной власти. Это, конечно, крайность. „Особенности" русскаго земельнаго строя—продуктъ всей русской исторіи, произведеніе творчества всего русскаго народа. Большая научная заслуга изслѣдователей сибирской земельной общины заключается въ томъ, что они удивительно ясно и убѣдительно показали, какъ условія *колонизаціи* и чисто *хозяйственные* моменты направляли эволюцію первоначальныхъ формъ землевладѣнія въ сторону коллективизма и уравнительности. Будущіе историки вскроютъ другіе моменты, другія „силы", опредѣляющія историческія судьбы русскаго земельнаго строя Но и теперь уже на „боевой" и волнующій общественное мнѣніе вопросъ о роли *государственной власти* въ созданіи и развитіи „особенностей" русскаго земельнаго строя можетъ быть данъ научно обоснованный отвѣтъ. Роль государства была громадной и *опредѣляющей*. Надо только оставить взглядъ на государство, какъ на какую то постороннюю силу, дѣйствующую извнѣ, со стороны. Русское государство не

СОЧИНЕНИЯ В. Г. БЕЛИНСКОГО

пришло откуда-то „сверху“ въ русскую деревню и не „создало“ тамъ изъ ничего земельную общину и другія земельныя „особенности“. Какъ и въ Западной Европѣ, государственная власть не явилась со стороны въ деревню и не *разрушила* тамъ земельной общины.

Надо твердо помнить, что въ раннія эпохи жизни народовъ земельные союзъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ территоріальными союзами для суда, управленія, религіозныхъ, финансовыхъ и другихъ общественныхъ нуждъ. Что такіе порядки существуютъ не только въ родовомъ и племенномъ бытѣ, но еще долго продолжаются и тогда, когда народы вступаютъ въ государственный періодъ своей исторіи. Въ эту эпоху земельный союзъ является основной ячейкой племенной и государственной жизни и выполняетъ почти всѣ публично-правовыя функціи. И даже земельныя отношенія имѣютъ въ значительной мѣрѣ публично-правовой характеръ. Земельныя отношенія и функціи союза сплетаются здѣсь съ другими публично-правовыми функціями и отношеніями въ такой крѣпкій и неразрывный узелъ, такъ опредѣляютъ ихъ и, въ свою очередь, такъ опредѣляются ими, что только искусственно и очень условно можно выдѣлять ихъ изъ этого сложнаго клубка и пытаться намѣтить ихъ внутреннія, самостоятельныя тенденціи развитія.

Но и въ болѣе поздніе періоды, когда государственная власть, по мѣрѣ своего роста, одну за другой переноситъ на себя цѣлый рядъ функцій, лежавшихъ до этого на сельской общинѣ, послѣдняя далеко не всегда превращается въ исключительно хозяйственный, земельный союзъ. Въ Западной Европѣ количество публично-правовыхъ функцій, сохранившихся за земельнымъ союзомъ, было чрезвычайно невелико, и въ тѣхъ случаяхъ, когда земельный союзъ не сливался съ политической общиной, онъ превращался въ чисто хозяйственный союзъ со слабыми судебными и полицейскими функціями корпоративнаго характера. Въ Россіи дѣло обстояло иначе. Сельская община была всегда не только земельнымъ союзомъ, но и органомъ мѣстнаго самоуправленія; въ качествѣ таковаго она являлась основной ячейкой *государственнаго* строя Россіи. Въ нѣкоторыя эпохи (15—17 в.в.) государственная власть передавала ей (главнымъ образомъ, волостной общинѣ) значительную часть своихъ функцій, въ другія эпохи количество правъ и функцій, принадлежащихъ сельской общинѣ, сильно сокращалось. Но, въ общемъ и цѣломъ, русская *земельная* община въ теченіе всей русской исторіи была вмѣстѣ съ тѣмъ и публично-правовой организаціей для суда, управленія и, главнымъ

СОУНБ им. В. Г. Белинского

образомъ, финансово-податныхъ цѣлей. Этотъ характеръ она сохранила и въ пореформенную эпоху.

Но и помимо этого специфическаго „государственнаго“ характера русской земельной общины, русская государственная власть, достигшая такого мощнаго развитія въ послѣднія столѣтія нашей исторіи, имѣла тысячи способовъ, чтобы вліять на жизнь русской деревни и опредѣлять эволюцію крестьянскаго земельнаго строя. Какъ могла русская государственная власть, проникавшая во всѣ уголки русской жизни, формировавшая всѣ стороны русскаго общественнаго бытія, обойти русскую деревню и оставить безъ своего вліянія и попеченія „кормилицу“ русскаго народа—землю? Это кажется a priori невозможнымъ. Этого не было и въ дѣйствительности.

Народники, такъ дорожащіе „самобытностью“ русскаго земельнаго строя, „народнымъ“ его характеромъ, „естественнымъ“ ходомъ его развитія, стараются упрятать земельную общину на самое „дно“ народной жизни и, такимъ образомъ, скрыть ее отъ бдительнаго ока русской государственной власти. И, въ pendant къ этому, историки сибирской общины стараются изобразить „живую исторію общины“, какъ разселеніе какихъ то „естественныхъ“ людей, первобытныхъ пахарей по дикой ненаселенной равнинѣ. Такое построеніе даетъ искусственную и часто глубоко неправильную перспективу. Русская деревня съ ея земельнымъ строемъ—не „дно“ народной жизни. Русская деревня—основной массивъ русскаго общественнаго строя, на которомъ—вплоть до половины 19-го вѣка—города подымались отдѣльными и невысокими вершинами. Именно русская деревня и ея земельный строй и были въ теченіе многихъ столѣтій однимъ изъ главныхъ объектовъ вліянія русской государственной власти.

И Сибирь заселялась не первобытными „естественными“ людьми, а „ратными“ и „пашенными“ людьми, шедшими изъ организованнаго государства, приносившими съ собой привычки, взгляды и традиціи, выработанные вѣками культурной государственной жизни и претворявшими ихъ въ жизнь при устроеніи на новыхъ мѣстахъ; и вслѣдъ за ними, а часто впереди ихъ, шла государственная власть и немедленно набрасывала на строющуюся жизнь густую сѣть своей организаціи.—Заселеніе Америки, происходившее приблизительно въ тѣ-же эпохи, какъ и заселеніе Сибири, дало въ результатѣ формы землевладѣнія, кореннымъ образомъ отличныя отъ Сибирскихъ. Въ этомъ вина не только географическихъ и хозяйственныхъ условій. Америку заселяли люди другой—западно-европейской—культуры и государственности,

СОЧЕТИ. В.Г. Белинского

и этимъ, главнымъ образомъ, объясняется то, что американскій земельный строй такъ напоминаетъ земельный строй Западной Европы и такъ глубоко отличенъ отъ нашего и сибирскаго.

Вмѣстѣ съ пересмотромъ народническихъ взглядовъ на роль государства въ созданіи и развитіи „особенностей" русскаго земельнаго строя необходимо внести поправки и въ обычные, отчасти отсюда вытекающіе взгляды народничества на русскаго крестьянина и на характеръ его земельнаго міросозерцанія. Нельзя изображать русскаго крестьянина какимъ то примитивнымъ человѣкомъ съ несложной „трудовой" психологіей, съ „земельнымъ" міросозерцаніемъ, представляющимъ изъ себя какой то замороженный пережитокъ земельной идеологіи первобытнаго пахаря. Русскій крестьянинъ не австралійскій дикарь, не первобытный пахарь; теперь онъ и не тотъ, чѣмъ былъ тысячу лѣтъ тому назадъ, на зарѣ русской исторіи. Современный русскій крестьянинъ—*историческій типъ*, выкованный вѣками суровой русской жизни. *Его земельное міросозерцаніе—продуктъ тысячелѣтней культурной исторіи.* Въ исторіи русскаго народа государственность играла громадную роль. Вмѣстѣ съ другими элементами культуры она проникала въ русскую деревню, формировала земельный строй, вліяла на выработку крестьянскаго земельнаго міросозерцанія. Земельное міросозерцаніе русскаго крестьянина не адэкватно трудовой психологіи примитивнаго земледѣльца. Это не простой металлъ, а сложный сплавъ разнородныхъ культурно-историческихъ элементовъ.

Не надо только на основаніи такой положительной оцѣнки роли государственной власти въ созданіи и развитіи крестьянскаго земельнаго строя дѣлать глубоко ложные выводы о непрочности, неустойчивости и даже „гнилости" этого строя. Русская интеллигенція, руководящая общественнымъ мнѣніемъ Россіи, не знаетъ лучшаго средства для опороченія какого-нибудь института въ Россіи, какъ указаніе на его государственное происхожденіе, или указаніе на государственную политику, вліявшую на его развитіе. Свою ненависть къ современной государственности она какъ-то невольно переноситъ въ прошлое русской исторіи и не находитъ въ себѣ мужества для объективной оцѣнки историческихъ формъ государственной власти. И жестоко за это платится. Русское народничество, ведя идейную борьбу съ надвигающимся на Россію капитализмомъ, не нашло лучшаго орудія противъ него, какъ указаніе на его „государственный" характеръ, на попеченіе и заботы, которыя ему оказываетъ государственная власть. И пока народники, основываясь на этомъ, упорно твер-

СОУНБ им. В.Г. Белинского

дили, что русскій капитализмъ—искусственно выращиваемое растеніе, что у него нѣтъ никакого будущаго, что онъ не переживетъ взростившей его государственной власти, капитализмъ успѣлъ вырости въ мощную общественную силу и занять большое и прочное мѣсто въ русской жизни. И ничто такъ не повредило идейной позиціи и идейному вліянію народничества, какъ его удивительная близорукость въ этомъ вопросѣ.

Но подобную же ошибку дѣлали и русскіе марксисты относительно русской общины и вообще „особенностей" русскаго земельнаго строя. Оспаривая народническій взглядъ на „самобытность", „народность" русской общины и правильно указывая на роль государственной власти въ ея историческихъ судьбахъ, марксисты считали себя въ правѣ на этомъ основаніи уже давно заживо „разложить" и похоронить ее. И жестоко за это пострадали. „Особенности" крестьянскаго земельнаго строя не разлагались, не умирали, а, наоборотъ, интенсивно развивались, какъ то удивительно мирно уживались вмѣстѣ съ расцвѣтающимъ городскимъ капитализмомъ и, наконецъ, сказались въ событіяхъ, поразившихъ весь міръ. И именно, въ вопросѣ о судьбахъ деревни и крестьянства, вообще, и, въ особенности, въ вопросѣ о судьбахъ русской деревни и русскаго крестьянства обнаружился главный „провалъ" такого, казалось, цѣльнаго и стройнаго міросозерцанія, какъ марксизмъ.

Русская соціалистическая мысль должна пересмотрѣть свое отношеніе къ историческому прошлому русской государственности. Борясь съ современными формами государственной власти, она не должна забывать ея положительныхъ сторонъ въ прошломъ, и, въ частности, въ вопросѣ объ „особенностяхъ" земельнаго строя, не бояться положительно оцѣнить ея роль. Ибо русскій крестьянскій земельный строй—плоть отъ плоти, кость отъ кости живого тѣла русскаго народа. И въ этомъ тѣлѣ государственная власть была однимъ изъ самыхъ важныхъ и нужныхъ органовъ, а не какимъ-то случайнымъ и дурнымъ наростомъ. Историческая наука, самая прогрессивная и демократическая, научилась объективно относиться къ отжившимъ и отживающимъ формамъ государственной власти. Умѣетъ это дѣлать и западно-европейская соціалистическая мысль. Очередь за русской.

V.

Князь Е. Трубецкой, при помощи государственной землестроительной политики, въ три года перевелъ Россію съ путей крайнихъ на путь средній.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Я думаю, что десятки лѣтъ потребуются для такого громаднаго соціальнаго переворота.

Анализъ историческихъ судебъ русскаго земельнаго строя даетъ глубокую увѣренность въ томъ, что крайніе пути, на которыхъ стояла Россія въ 1905 и даже еще въ 1910 году, когда кн. Трубецкой писалъ свою первую статью,—пути не случайные, временные, не лѣсныя тропы, которыя, порой, неизвѣстно гдѣ начинаются и часто быстро и безслѣдно пропадаютъ; скорѣй—это широкая дорога, на которую Россію вывело все ея историческое прошлое, и, въ особенности, историческое развитіе ея земельнаго строя.

„Ограбныя" программы—не легкомысленное произведеніе максималистической и безотвѣтственной русской интеллигенціи. Это понялъ и кн. Трубецкой. „Ограбныя" программы родились на свѣтъ Божій—или, вѣрнѣе, вышли на широкій просторъ земли русской изъ узкаго подполья интеллигентскихъ кружковъ—потому, что на сцену русской общественной жизни выступила фигура, которую привыкли считать скорѣе объектомъ, чѣмъ субъектомъ историческаго процесса. Россія выступила на крайніе пути потому, что одна изъ главныхъ ролей въ послѣдней русской исторической драмѣ пришлась на долю русскаго крестьянина—историческій типъ, создавшійся въ теченіе вѣковъ и принесшій съ собою на историческую сцену свою „крайнюю" психологію и свое „крайнее" міросозерцаніе. „Ограбныя" программы окрасили своимъ цвѣтомъ событія послѣднихъ лѣтъ потому, что крестьянское міросозерцаніе, съ его яркими чертами коллективизма и эгалитаризма, съ его отрицаніемъ частной собственности на землю и утвержденіемъ права труда на землѣ, не мирилось съ „срединнымъ" правовымъ строемъ кн. Трубецкого, въ которомъ русскій крестьянинъ не нашелъ бы ни одного атома своего соціальнаго идеала.

Россія и теперь еще стоитъ на крайнихъ путяхъ. Ибо не политическая судорога бросила Россію на крайніе пути; и никакая „землеустроительная" политика не въ состояніи въ такой короткій срокъ свести ее съ этихъ путей.

Современная форма русскаго бюрократизма, глубокими корнями уходящая въ прошлое русской исторіи, уже болѣе полустолѣтія находится въ процессѣ *разложенія*: и болѣе столѣтія, все паростая, идетъ борьба съ этой „формой". И, однако, „форма" оказываетъ упорное сопротивленіе и не выражаетъ желанія уступить свое мѣсто формамъ болѣе прогрессивнымъ и совершеннымъ. И несмотря на полную убѣжденность въ необходимости и неизбѣжности смѣны „формъ", даже самыя крайнія

СОУНБ им. В. Г. Белинского

партіи далеко не увѣрены, что новыя „формы“ будутъ дѣйствительно до конца новыми и чистыми, а не какими-нибудь смѣшанными и компромиссными. Прошлое и настоящее тяготѣетъ надъ будущимъ. Эту истину въ области государственности прекрасно знаютъ политическіе единомышленники кн. Трубецкого. И очень охотно указываютъ на нее своимъ противникамъ слѣва. Но, какъ только дѣло доходитъ до частной земельной собственности, когда надо расправиться съ соціальными институтами, носящими въ себѣ угрозу этой священной особѣ,—институтами, такими же глубокими корнями уходящими въ прошлое, какъ и государственная „форма“, но въ отличіе отъ нея не разлагающимися, а полными жизни и движенія,—о, тогда всякія политическія и историческія истины забываются! Тогда потихоньку радуются всякому насильственному акту со стороны отживающей „формы“ противъ живыхъ институтовъ и громко провозглашаютъ ихъ разложеніе и смерть. И ненавистники „ограбныхъ“ революціонныхъ программъ умѣютъ дѣлаться крайними революціонерами, когда рѣчь заходитъ объ опасныхъ для нихъ соціальныхъ институтахъ. Это по меньшей мѣрѣ нелогично и неисторично.

Землеустроительная правительственная политика не въ силахъ въ нѣсколько лѣтъ разрушить вѣковыя „особенности“ крестьянскаго земельнаго строя и перевести Россію съ путей крайнихъ на путь средній.

Значитъ ли это, что я отрицаю вліяніе государственной землеустроительной политики на формы крестьянскаго землевладѣнія и не вижу того громаднаго переворота, который совершается въ нашей деревнѣ? Нисколько. Государство принимало большое участіе въ созданіи „особенностей“ крестьянскаго земельнаго строя; теперь оно такъ же дѣятельно работаетъ для ихъ разрушенія. Какъ въ историческомъ прошломъ государственная власть, опираясь на слабое развитіе владѣльческихъ правъ на землю и на смѣшеніе индивидуальныхъ и коллективныхъ элементовъ въ начальныхъ стадіяхъ землевладѣнія, сумѣло стянуть къ себѣ извѣстное количество правъ на землю и способствовать побѣдѣ коллективныхъ эгалитарныхъ принциповъ надъ принципами индивидуализма и неравенства,—такъ и теперь, опираясь на частную земельную собственность помѣщиковъ и купчую крестьянскую землю и, оказывая энергичную поддержку индивидуалистическимъ и просто корыстнымъ тенденціямъ, существующимъ, конечно, и въ русскомъ крестьянскомъ бытѣ, правительство, даже не прибѣгая къ грубымъ насиліямъ, можетъ постепенно ликвидировать современный крестьянскій земельный строй. Современ-

СОУНБ им. В.Г. Белинского

ная деревня не можетъ жить внѣ государственныхъ рамокъ, внѣ государственныхъ нормъ и законовъ. И бороться съ данными государственными нормами можно только однимъ путемъ принявъ участіе въ государственной власти и замѣнивъ однѣ нормы другими. Иныхъ путей нѣтъ. И никакая жизненная сила соціальныхъ институтовъ, въ особенности соціальныхъ институтовъ *деревни*, противъ которыхъ направлены государственныя нормы, не спасетъ ихъ. Государственная власть можетъ желѣзнымъ кольцомъ обвиться вокругъ распадающагося института и долгіе годы сохранять его въ общественномъ строѣ; она же можетъ острымъ клиномъ войти въ крѣпкій, здоровый соціальный организмъ и, въ болѣе или менѣе краткій срокъ, разложить его и уничтожить... Вопросъ только во времени. Чѣмъ болѣе глубокими корнями связанъ съ прошлымъ соціальный институтъ, чѣмъ больше въ немъ жизни и движенія, тѣмъ большую силу сопротивленія можетъ онъ оказать враждебной политикѣ государства, тѣмъ медленнѣе будетъ протекать процессъ разложенія и умиранія.

Не надо только для объясненія такого простого и яснаго процесса, какъ процессъ распаденія крестьянскаго земельнаго строя подъ вліяніемъ враждебной ему политики государства, отыскивать излюбленные, особенно въ марксистскомъ лагерѣ, аргументы экономическаго характера. Марксистамъ непремѣнно надо найти имманентные экономическіе законы развитія сельскаго хозяйства, которые и помимо государственной политики приводятъ русскій крестьянскій земельный строй къ „естественному“ разложенію. Да и у народниковъ изрѣдка звучитъ однородный мотивъ, тоже указывающій на вѣру въ имманентные законы хозяйственнаго развитія, которые позволятъ русской общинѣ справиться съ „насильемъ“ государственной власти. И то, и другое неправильно. Въ томъ то и заключается тайна великаго многообразія—въ пространствѣ и во времени—формъ земельнаго владѣнія, что онѣ удивительно *пластичны* и всякому внѣшнему давленію, въ особенности давленію государственной власти, оказываютъ только сопротивленіе инерціи.

Бурное теченіе промышленной жизни въ капиталистическую эпоху, опрокидывающее всѣ препятствія, встрѣчающіеся на пути, ломающее устарѣвшія формы хозяйства и владѣнія, и быстро создающее новыя, болѣе подходящія формы, даетъ, дѣйствительно, право говорить, если не о законахъ, то о тенденціяхъ развитія промышленныхъ формъ въ предѣлахъ капиталистическаго строя. Но большая ошибка представлять себѣ ходъ развитія сельскаго хозяйства по аналогіи съ развитіемъ капиталистической промыш-

СОУНБ им. Е. Г. Белинского

ленности. Въ этомъ, однако, повинны и народники, и марксисты. Разница только въ томъ, что марксисты переносятъ и содержаніе законовъ и тенденцій, установленныхъ въ промышленной жизни народа, въ хозяйственную жизнь деревни и говорятъ о побѣдѣ крупнаго хозяйства и крупнаго землевладѣнія надъ мелкимъ хозяйствомъ и мелкимъ землевладѣніемъ; народники же утверждаютъ, что тенденціи хозяйственной жизни города и деревни противоположны, и что въ деревнѣ побѣждаетъ мелкое хозяйство и мелкое землевладѣніе. Достаточно взглянуть на земледѣльческую карту Европы, съ ея поражающимъ многообразіемъ и смѣшеніемъ *формъ* владѣнія и хозяйства, и, особенности, прослѣдить *исторію* землевладѣнія и земельнаго хозяйства, чтобы убѣдиться, насколько такія представленія неправильны. Нѣтъ законовъ и тенденцій въ эволюціи *формъ* земельнаго владѣнія и земельнаго хозяйства, или, вѣрнѣе, „законы" и тенденціи всегда и всюду строго ограничены узкими предѣлами времени и мѣста. И это вполнѣ понятно. Хозяйственное развитіе деревни настолько ненапряженно, такъ медлительно и консервативно, что оно легко и свободно приспособляется и укладывается въ любыя формы хозяйства и владѣнія. Этимъ же объясняется и слабое—исключительно инертное—сопротивленіе, оказываемое формами землевладѣнія вліянію и давленію „извнѣ",—удивительная *пластичность* формъ землевладѣнія.

И хозяйственное развитіе русской деревни прекрасно могло бы уложиться въ историческія формы русскаго крестьянскаго землевладѣнія. И если эти формы ломаются, то причина лежитъ не въ области экономики, а въ области чистой политики.

Историческій крестьянскій земельный строй разрушается. Разрушеніе идетъ не такъ быстро, какъ этого хотѣлъ бы кн. Трубецкой. „Особенности" крестьянскаго земельнаго строя и теперь еще занимаютъ громадное мѣсто въ русской деревнѣ и теперь еще играютъ опредѣляющую роль въ ея жизни. И пройдутъ еще десятки лѣтъ, прежде чѣмъ онѣ окончательно сойдутъ со сцены и уступятъ мѣсто новымъ формамъ жизни. Ошибка кн. Трубецкого въ томъ, что онъ неисторически подошелъ къ современнымъ событіямъ, что начало процесса онъ принялъ за конецъ его, что у него нѣтъ реальнаго ощущенія цѣнности Времени въ исторіи. Ибо въ историческомъ процессѣ Время—первое дѣйствующее лицо, главный герой.

Отсутствіемъ историчности объясняется и другая крупная ошибка кн. Трубецкого.

Историческій земельный строй разрушается. Историческая

СОУНБ им. В.Г. Белинского

фигура русскаго крестьянина сходитъ со сцены. Какой строй воздвигается на мѣсто стараго? Какая фигура займетъ мѣсто хозяина въ новомъ строѣ?

Отвѣтъ кн. Трубецкого ясенъ и категориченъ.

Новый земельный строй это—мелкая частная земельная собственность. Новый крестьянинъ это—мелкій буржуа, собственникъ и индивидуалистъ. На этомъ новомъ соціальномъ фундаментѣ, не сегодня-завтра, будетъ воздвигнуто новое зданіе „правового" порядка. Мирная фигура крестьянина-собственника поведетъ Россію по новому среднему пути.

Оставимъ пока въ сторонѣ „новый" соціальный строй. Почему кн. Трубецкой такъ увѣренъ, что новый крестьянинъ будетъ мелкимъ буржуа, индивидуалистомъ и собственникомъ (по психологіи)? Типична ли уже теперь такая фигура для русской деревни? Видѣлъ ли онъ ее въ жизни? Вѣдь рѣчь идетъ не о старомъ типѣ кулака и богатѣя, испоконъ вѣковъ такомъ знакомомъ нашей деревнѣ. Рѣчь идетъ о новомъ типѣ средней зажиточности крестьянина, укрѣпившемъ за собой по новому закону свой надѣлъ и вышедшемъ изъ коллективнаго земельнаго союза. Сталъ ли онъ тѣмъ самымъ уже „мелкимъ буржуа", „собственникомъ" и „индивидуалистомъ"? Ни въ литературѣ, ни въ жизни этого не видно. Я читаю въ „Ежемѣсячномъ журналѣ" В. Миролюбова письма крестьянина Гаврилова. Онъ ярый противникъ общины, сторонникъ землеустройства и индивидуальнаго владѣнія; вышелъ на хуторъ и укрѣпилъ свою землю въ собственность. Свое послѣднее письмо онъ кончаетъ такъ: „Если я являюсь жителемъ „земли", а не „марса" или иной какой планеты, то и право на землю имѣю равное праву каждаго человѣка живущаго на „землѣ".—Это далеко не то, о чемъ говоритъ кн. Трубецкой, и не такъ ужъ далеко отъ „ограбныхъ" программъ...

Но и изъ статьи кн. Трубецкого ясно, что крестьянинъ—буржуа, индивидуалистъ и собственникъ еще не реальная фигура; не живое дѣйствующее лицо. Онъ еще пока весь im Werden, скорѣе тѣнь, символъ, которому еще предстоитъ облечься въ кровь и плоть. Но эта символическая фигура родна и желанна кн. Трубецкому; невольно онъ мѣшаетъ мечту съ дѣйствительностью, идеалъ съ жизнью.

Не трудно понять и то, какъ родилась эта фигура въ представленіи кн. Трубецкого.

Крестьянинъ по природѣ своей—мелкій буржуа, индивидуалистъ и собственникъ; таково самое обычное и самое распространенное представленіе въ научныхъ и общественныхъ кру-

СОЧЕВИ. В. Г. Белинского

гахъ о „нормальномъ“ типѣ средняго крестьянина. Раскройте любой курсъ буржуазной политической экономіи, любую марксистскую брошюру или прочтите даже статьи такого вдумчиваго экономиста лѣво-народника, какъ Н. Н. Сухановъ, и вы натолкнетесь на то же самое мнѣніе. Однороденъ и способъ, по которому во всѣхъ этихъ статьяхъ, брошюрахъ и курсахъ политической экономіи препарируютъ эту шаблонную фигуру. Для всѣхъ нихъ крестьянинъ—„экономическая категорія“, составленная изъ чисто экономическихъ элементовъ. Берутся экономическіе элементы „производства“, „распредѣленія“, „потребленія“, смѣшиваются въ опредѣленной пропорціи, окрашиваются самыми элементарными экономическими окисями, и препаратъ готовъ. И, дѣйствительно, препарированный такимъ образомъ „нормальный“ крестьянинъ имѣетъ всѣ характерныя черты мелкаго буржуа, индивидуалиста и собственника. Сомнѣнія въ этомъ не можетъ быть никакого. Сомнѣніе вызываетъ только самый способъ приготовленія препарата и неожиданно сложные результаты полученные изъ такой элементарной комбинаціи нѣсколькихъ простыхъ экономическихъ элементовъ. И, если вы захотите провѣрить способъ приготовленія и произвести обратный анализъ приготовленнаго препарата, вы очень легко и скоро убѣдитесь, какія злыя шутки можетъ разыгрывать исторія съ такими абстрактными науками, какой является теоретическая, политическая экономія. Вы увидите какъ „простые экономическіе элементы“ сплошь покрыты крупинками *историческаго* матеріала, какъ само приготовленіе препарата протекаетъ въ средѣ насквозь пропитанной историческими микробами времени и пространства. И снова вглядѣвшись въ лицо и фигуру „нормальнаго“ крестьянина, вы съ радостью найдете въ ней живыя черты исторической фигуры, историческаго лица — *западно-европейскаго крестьянина*.

Экономическая наука родилась на Западѣ. Мы живемъ почти исключительно западно-европейскимъ импортомъ. И вмѣстѣ съ экономической наукой къ намъ ввезли неудачную „экономическую“ вытяжку изъ западно-европейскаго историческаго матеріала и выдали за типъ „нормальнаго“ крестьянина. Кн. Трубецкой не протестуетъ противъ такой контрабанды. Тонкій нео-славянофилъ, онъ умѣетъ быть, когда надо, и чистымъ западникомъ.

Но западно-европейскій крестьянинъ, даже въ томъ обезкровленномъ видѣ, въ какомъ его преподноситъ намъ политико-экономическая наука, не можетъ считаться „нормальнымъ“ типомъ крестьянина. Онъ такой же *историческій типъ*, какъ русскій крестьянинъ или какой-нибудь египетскій феллахъ. Какъ и тѣ,

СОУНБ им. Е. Е. Бобинского

онъ жилъ въ опредѣленной исторической средѣ, въ опредѣленной культурной обстановкѣ, пережилъ опредѣленныя историческія событія, подвергался опредѣленнымъ культурно-историческимъ вліяніямъ. Западно-европейскій крестьянинъ—буржуа, индивидуалистъ и собственникъ; но это не потому, что онъ „нормальный" крестьянинъ, а потому что онъ прошелъ свою, особую школу жизни, имѣлъ свою особую біографію, выработалъ особыя индивидуальныя черты лица. Западно-европейскій крестьянинъ—продуктъ *западно-европейской* исторіи, *западно-европейской* цивилизаціи и, прежде всего, конечно, продуктъ западно-европейскаго земельнаго строя.

Исторія западно-европейскаго земельнаго строя хорошо извѣстна. Нѣтъ нужды излагать ее подробно. Для моей цѣли достаточно возстановить только нѣкоторые особенно характерные моменты.

Западно-европейская цивилизація возникла на почвѣ цивилизаціи римской, съ ея высоко развитыми формами частной земельной собственности. Идея частной собственности родилась въ главныхъ странахъ западно-европейской цивилизаціи около 2000 лѣтъ тому назадъ и никогда съ тѣхъ поръ тамъ не умирала. Правда, въ послѣдніе вѣка римской имперіи, чистыя формы земельной собственности нѣсколько замутились: въ тѣхъ же мѣстахъ, куда римская цивилизація не проникала (средняя и восточная Германія, Скандинавія) ея и совсѣмъ, по всей вѣроятности, не было. Отрицаютъ ея существованіе ученые и въ тѣхъ мѣстностяхъ старой римской цивилизаціи, гдѣ новые народы (германцы) селились сплошными массами и жили своимъ народнымъ правомъ. Но и здѣсь относительная земельная тѣснота и римскія традиціи очень скоро привели къ укрѣпленію владѣльческихъ правъ на землю и къ новому пышному расцвѣту частной собственности. Эта земельная собственность не была чистой земельной собственностью римскаго права; долгое время она была кругомъ опутана ограниченіями семейнаго, крѣпостного и феодальнаго характера. Но эти ограниченія не имѣли ничего общаго съ тѣми *государственными* правами на землю, которыя такъ характерны для русскаго земельнаго строя, и всѣ они постепенно, по мѣрѣ разложенія крѣпостного и феодальнаго строя, сходили со сцены и исчезали. И въ Западной Европѣ въ начальные періоды ея исторіи имѣло мѣсто значительное развитіе королевскихъ правъ на землю (главнымъ образомъ, на незанятыя земли); но уже въ раннемъ средневѣковьи короли успѣли раздать свои земельныя владѣнія и свои права на землю, и въ дальнѣйшей исторіи Западной Европы королевскіе домены

СОЦЪИМ. В. Г. Белинского

не играли какой-нибудь существенной роли. Не знала Западная Европа, кромѣ своихъ восточныхъ областей, и сколько-нибудь широкаго развитія *внутренней* (т. е. незаокеанской) колонизаціи. И та колонизація, которая существовала, не выработала ничего напоминающаго тѣ крестьянскія права на государственный земельный фондъ, которыя мы видѣли въ исторіи колонизаціи Россіи.

Но государственныя права на землю, на государственный колонизаціонный фондъ, опредѣлившіе развитіе русскаго земельнаго права,—не играли никакой роли въ исторіи западно-европейскаго земельнаго строя. Исторія этого строя характеризуется систематическимъ ростомъ владѣльческихъ правъ на землю, развитіемъ идеи частной земельной собственности и очищеніемъ ея отъ всякихъ посторонникъ и ограничивающихъ ее примѣсей. Въ средніе вѣка земельная собственность принадлежала помѣщику; въ рѣдкихъ случаяхъ крестьянину. Права на зависимыя крестьянскія земли были распредѣлены между помѣщиками и крестьянами. По мѣрѣ разложенія феодальнаго строя, права эти или сосредоточивались въ рукахъ помѣщика, или цѣликомъ переходили къ крестьянину. Въ первомъ случаѣ, крестьянинъ становился земельнымъ пролетаріемъ, во второмъ—онъ превращался въ полноправнаго земельнаго собственника. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ земля оставалась въ частныхъ рукахъ, и крестьянинъ никогда не могъ выйти изъ круга понятій частной собственности на землю.

Западно-европейскій крестьянинъ по всему своему душевному складу, по всей психологіи — ярый собственникъ. Но это произошло потому, что долгіе вѣка своей исторіи онъ жилъ въ земельномъ строѣ, выведенномъ на основѣ частной собственности, дышалъ воздухомъ, насыщеннымъ собственническими идеалами, выработалъ строгое этическое и правовое міросозерцаніе, въ которомъ принципъ частной собственности заложенъ краеугольнымъ камнемъ.

Такъ же легко объяснима индивидуалистическая психологія западно-европейскаго крестьянина.

Ранніе періоды западно-европейской исторіи знали, благодаря приливу молодыхъ народовъ, смѣшеніе индивидуальныхъ и коллективныхъ началъ въ формѣ землевладѣнія. Какъ и въ Россіи, индивидуальныя и коллективныя права на землю развивались нѣкоторое время параллельно, не тѣсня и не мѣшая другъ другу. Какъ и въ Россіи, индивидуальныя права и въ первое время далеко впереди правъ коллективныхъ. Но, оставляя въ сторонѣ

СОУНБ им. В.Г. Белинского

другія культурно-историческія условія, въ отличіе отъ Россіи индивидуальныя права очень быстро нашли для себя крѣпкую форму въ видѣ института частной земельной собственности; и, съ другой стороны, государство не подрывало своей политикой этого института и закрѣпленныхъ имъ индивидуальныхъ правъ на землю, а—поскольку это было въ его власти—дѣятельно покровительствовало имъ. Въ результатѣ, когда коллективныя права достаточно развились и вплотную подошли къ правамъ индивидуальнымъ, послѣднія были уже настолько вооружены и забронированы, что объ успѣшной борьбѣ съ ними не могло быть и рѣчи... Нѣкоторое время индивидуальныя и коллективныя права мирно уживались другъ съ другомъ, гармонично дополняя другъ друга; но уже съ начала поздняго средневѣковья начинается систематическое, хотя и медленное, разложеніе коллективныхъ началъ и вытѣсненіе ихъ началами индивидуальными. Въ этомъ процессѣ принимали участіе и, государственная, и помѣщичья власть. Но нельзя преувеличивать ихъ значенія. Коллективныя начала никогда не играли главной роли въ земельномъ строѣ Западной Европы. Въ коллективномъ владѣніи всегда находились только второстепенныя земельныя угодья—лѣса, пастбища. Главными угодьями западно-европейскій крестьянинъ всегда владѣлъ на индивидуальномъ правѣ. Индивидуальныя права вытѣснили права коллективныя, потому что совмѣстное существованіе индивидуальныхъ и коллективныхъ правъ, безъ *крѣпкихъ государственныхъ нормъ*, вообще трудно осуществимо. Между ними въ этомъ случаѣ, очень скоро возгорается борьба, въ которой и беретъ верхъ болѣе сильный. Въ настоящее время въ Западной Европѣ имѣются только слабые остатки коллективныхъ формъ землевладѣнія. Къ этому необходимо прибавить, что въ странахъ Западной Европы, гдѣ притокъ новыхъ народовъ былъ относительно слабъ (Франція, Италія, Испанія) коллективныя формы никогда не играли сколько-нибудь существенной роли.

Психологія западно-европейскаго крестьянина глубоко индивидуалистична потому, что свою историческую жизнь онъ провелъ въ земельномъ строѣ, основанномъ, преимущественно, на началахъ индивидуализма, гдѣ эти начала систематически вытѣсняли и—за рѣдкими исключеніями—совсѣмъ вытѣснили болѣе слабыя начала коллективизма.

Совершенно чужды психологіи западно-европейскаго крестьянина и начала эгалитаризма.

Какъ я указалъ выше, передѣлы не играли какой либо существенной роли въ исторіи западно-европейской общины: уравни-

СОЧЕТИМ В. Г. Белинского

тельно-передѣльной общины Западная Европа почти совсѣмъ не знала. Очень распространенная теорія утверждаетъ что въ начальныя стадіи поселенія свободные германцы получили равные—въ предѣлахъ деревни или извѣстнаго округа—участки земли—гуфы. Но даже сторонники этой теоріи—а она теперь сильно оспаривается—признаютъ, что равенство земельныхъ участковъ продержалось сравнительно недолго, что гуфа стала быстро разлагаться и что уже въ раннемъ средневѣковьѣ неравенство крестьянскихъ участковъ достигло большихъ размѣровъ. О какомъ-либо равенствѣ земельныхъ владѣній въ современной западно-европейской деревнѣ не можетъ быть рѣчи.

Таковы историческія судьбы западно-европейскаго земельнаго строя.

Изъ этой исторической школы западно-европейскій крестьянинъ вышелъ съ психологіей и взглядами буржуа, индивидуалиста и собственника. Это—просто историческій фактъ, не признавать котораго невозможно. Въ немъ вы можете убѣдиться, заглянувъ въ любую западно-европейскую деревню, прочтя любую повѣсть изъ западно-европейской жизни.

Западно-европейскіе марксисты—а за ними и русскіе—дѣлали крупную *теоретическую* ошибку, причисляя крестьянство, какъ *экономическій* классъ, къ буржуазіи и каменной стѣной отдѣляя его отъ пролетаріата. Экономически крестьянство—классъ, отдающій, а не присваивающій „прибавочную стоимость", классъ „эксплуатируемый", а не „эксплуатирующій", и потому теоретически совершенно правильно объединять его вмѣстѣ съ пролетаріатомъ въ одну группу „трудового народа". Но практически западно-европейскіе марксисты—въ отличіе отъ марксистовъ русскихъ—вовсе не были узкими и слѣпыми доктринерами, когда они говорили объ антиколлективистическомъ крестьянскомъ черепѣ, объ его „буржуазности" и индивидуализмѣ, объ его враждѣ къ соціалистическому ученію. Нужны были—весь гнетъ капиталистическаго общества, долгое политическое воспитаніе и, главнымъ образомъ, вліяніе мощнаго городского пролетарскаго движенія для того, чтобы экономическая „сущность" западно-европейскаго крестьянина стала пробиваться сквозь его историческую оболочку и толкать его на путь соціализма. Но и до сихъ поръ присоединеніе западно-европейскаго крестьянина къ соціалистическому движенію происходитъ необычайно медленно и трудно. И пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ западно-европейскія соціалистическія партіи превратятся изъ партій городского пролетаріата въ партіи всего трудового народа.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Кн. Е. Трубецкой страстно желаетъ превратить русскаго крестьянина въ крестьянина западно-европейскаго. Политически, съ точки зрѣнія того общественнаго теченія, къ которому онъ примыкаетъ, это желаніе вполнѣ понятно и законно... Но незаконно и непонятно, когда въ угоду политической мечтѣ, кн. Трубецкой начинаетъ насиловать дѣйствительность и извращать науку. Это и есть тотъ соціальный утилитаризмъ, съ которымъ такъ горячо борется политическій соратникъ кн. Трубецкого—П. Струве.

Въ самомъ дѣлѣ, есть ли такія политическія средства, при помощи которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ можно было бы превратить одинъ историческій типъ въ другой, ему далекій и глубоко отъ него отличный?—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если переселить русскаго крестьянина въ Западную Европу, онъ черезъ нѣкоторое время мало чѣмъ будетъ отличаться отъ крестьянина западно-европейскаго. Нѣчто подобное и происходитъ съ русскими переселенцами въ Америкѣ. Несомнѣнно также, что, если бы какими-нибудь чудесными средствами удалось ввести въ Россію западно-европейскій земельный строй, то черезъ нѣкоторый промежутокъ времени—правда, гораздо болѣе значительный, чѣмъ въ первомъ гипотетическомъ случаѣ—русскій крестьянинъ сталъ бы *до нѣкоторой степени* походить на крестьянина западно-европейскаго. Но русскій крестьянинъ не кукла, которую можно переставлять съ мѣста на мѣсто, и русскій земельный строй—не декорація, которую можно убрать и замѣнить другой. Даже русская государственная власть, совершающая чудеса храбрости въ борьбѣ съ русскимъ историческимъ земельнымъ строемъ и прилагающая героическія усилія для введенія въ Россію западно-европейскихъ земельныхъ порядковъ, не въ силахъ совершить историческаго чуда превращенія въ нѣсколько лѣтъ русской деревни въ деревню западно-европейскую.

Не трудно—относительно—для государственной власти, обладающей могучимъ техническимъ аппаратомъ, подкопать и разрушить исторически сложившійся земельный строй; но безконечно трудно, даже для самой могущественной государственной власти, творить строй новый; творить его по планамъ, отдаленно не напоминающимъ старые планы; творить его, какъ *копію* строя, создававшагося вѣками исторіи, въ другой исторической средѣ, другими историческими средствами.

Прочтите блестящую статью К. Р. Кочаровскаго во второй книжкѣ „Завѣтовъ“: „Крестьянство: на нелегальномъ положеніи“,—и передъ вами встанетъ яркая картина „коваго“ „правительственнаго“ земельнаго строя, такъ же мало похожаго на зе-

СОЧЕВИ. В. Г. Белинского

мельный строй Западной Европы, какъ мало походитъ языкъ, называемый „смѣсью французскаго съ нижегородскимъ", на парижскій говоръ, или русскій „конституціонный" строй на французскую парламентскую республику.

Русская государственная власть разрушаетъ общину и принудительно укрѣпляетъ крестьянскія надѣльныя земли въ личную собственность. Но „если самое установленіе личной собственности составляетъ отрицаніе права вообще, если въ нее впрягаютъ крестьянство во имя „государственности", какъ въ новое государственное тягло, создаютъ какого-то „временно обязаннаго" личнаго собственника,—то ясно уже изъ этого одного, что мы не имѣемъ дѣла съ личной собственностью въ общепринятомъ смыслѣ слова, а съ совершенно особой ея разновидностью, которой я не умѣю назвать иначе, какъ „принудительной личной собственностью". „Всѣ ограниченія, лежащія на прежнихъ крестьянскихъ" „надѣльныхъ" земляхъ оставлены, т. е. они въ правовомъ отношеніи остаются по прежнему, такъ сказать, на „положеніи усиленной охраны" въ хозяйственномъ отношеніи непосредственно государствомъ. И мало всего этого: эта же охрана переносится въ небывало яркомъ и усиленномъ видѣ даже и на земли, укрѣпляемыя по новому закону въ личную собственность, путемъ установленія максимальной нормы для ихъ скупки въ однѣ руки" [1]). Въ настоящее время правительство вырабатываетъ новые законопроекты о недробимости земельныхъ надѣловъ для нѣкоторыхъ категорій крестьянскихъ земель. По поводу этихъ проектовъ Б. Бруцкусъ въ своемъ докладѣ въ вольно-экономическомъ обществѣ 20 марта выразился такъ: „Направленіе правительственной политики ведетъ не къ созданію свободной собственности, а къ взятію подъ сугубую опеку созданнаго въ 1906 г. института. Но частная собственность можетъ развиваться только при свободѣ. Подкрашивая европейскими словами, стремятся создать у насъ египетскіе порядки государственнаго единодержавія, вмѣшивающагося во всѣ условія жизни якобы свободныхъ частныхъ собственниковъ" [2]). Въ результатѣ государственнаго строительства создается земельная собственность своеобразно-русская, кругомъ опутанная государственными ограниченіями, только очень отдаленно напоминающая ея западно-европейскій прообразъ. Но и тѣ слабые ростки собственнической

---

[1]) К. Р. Кочаровскій: «Крестьянство на нелегальномъ положеніи», «Звѣты». 1914. Февраль, стр. 27; 29.

[2]) «Рѣчь», 21 марта 1914.

СОЛНЦЕВ В. Г. Белинского

психологіи и идеалогіи, которые всходятъ на этой почвѣ, систематически подрываются традиціонной государственной колонизаціонной политикой, по старому „надѣляющей“ крестьянъ-переселенцевъ земельными участками изъ государственнаго земельнаго фонда.

Далеко не блестяще обстоятъ дѣла и съ внѣдреніемъ индивидуализма въ крестьянскую психологію и міросозерцаніе. Если оставить въ сторонѣ индивидуально „землеустроенныхъ“ крестьянъ, которые и до сихъ поръ составляютъ незначительный процентъ въ деревнѣ, остальная масса крестьянъ, индивидуально укрѣпившихъ свои надѣлы, и общинъ, „укрѣпленныхъ“ по закону 14-го іюля, продолжаютъ въ большинствѣ случаевъ владѣть своими пахотными землями черезполосно, быть связанными общимъ сѣвооборотомъ и, что является самымъ важнымъ, сохраняетъ цѣлый рядъ—лѣсъ, выгоны, луга—въ общинномъ владѣніи. Иначе говоря, создается тотъ смѣшанный типъ индивидуальнаго и коллективнаго владѣнія, который только и знала Западная Европа въ качествѣ земельной общины.

Чего, дѣйствительно, въ значительной мѣрѣ удалось добиться государственной власти, такъ это остановки уравнительно-передѣльнаго механизма общины. Но и здѣсь необходимо принять во вниманіе, что прекращеніе уравнительно-передѣльныхъ функцій еще не означаетъ смерти уравнительно передѣльной общины. Передѣльная община и въ прошломъ знала такіе временные параличи.

Мы присутствуемъ еще только при начальныхъ стадіяхъ процесса разрушенія стараго земельнаго строя. Но и новый земельный строй, возникающій на мѣстѣ стараго, очень далекъ отъ своего западно-европейскаго оригинала. Я нисколько не сомнѣваюсь, что государственная власть можетъ довести до конца разрушеніе стараго строя и привить новому строю черты, которыя болѣе приблизятъ его къ западно-европейскому „идеалу“. Но на это потребуются еще десятки лѣтъ. А пока мы все будемъ имѣть дѣло со старымъ „историческимъ“ типомъ русскаго крестьянина или съ новымъ типомъ — крестьяниномъ Гавриловымъ—хуторяниномъ, „собственникомъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтающимъ о „равномъ для всѣхъ правѣ на землю“.

До сихъ поръ я говорилъ о разрушеніи *государствомъ* стараго земельнаго строя, *о государственномъ* строительствѣ новаго земельнаго строя. Но въ русской деревнѣ дѣйствуетъ не только государственная власть; въ ней есть и другая общественная сила, другое дѣйствующее лицо. Русскій крестьянинъ—не только объ-

СОУНБ им. В. Г. Белинского

ектъ государственной политики, онъ и субъектъ историческаго процесса. И именно теперь, разбуженный событіями 1905-го года, онъ полонъ творческой энергіи, напряженно работаетъ для устроенія своей хозяйственной жизни.

Во что выльется это крестьянское творчество? Какую психологію, какія понятія, какое міросозерцаніе вноситъ крестьянинъ въ устроеніе своей новой жизни? Нельзя творить изъ ничего. И русскій крестьянинъ не „голый" человѣкъ. Русская государственная власть, оторвавшаяся отъ народа, можетъ изъ инстинкта самосохраненія, хвататься за любыя средства борьбы и перекраивать русскій земельный строй по любымъ образцамъ, какъ бы они ни были чужды и далеки русской жизни. Но у русскаго крестьянина не можетъ быть ни такой нужды, ни такого желанія. У него нѣтъ основанія снести на сломъ свою старую избу и на новомъ мѣстѣ построить новенькій англійскій коттеджъ. Ему незачѣмъ становиться историческимъ нигилистомъ, какимъ оказалась вдругъ „историческая" русская государственная власть.

Народныя массы—въ особенности массы деревенскія—медленно и трудно разстаются со старыми порядками, привычками, понятіями; даже въ томъ случаѣ, если послѣднія устарѣли и отжили свой вѣкъ. И съ большой преданностью и большимъ воодушевленіемъ держатся за нихъ, если они полны жизни, движенія и творческой способности приспособляться къ новому. Послѣднее и происходитъ теперь въ русской деревнѣ. Разрушается земельный строй, созданный вѣками, полный жизненныхъ силъ и способный перейти къ высшимъ формамъ хозяйственной жизни. Стараются искоренить психологію, понятія, міросозерцаніе, глубоко жизненныя и полныя творческихъ порывовъ, не только не несовмѣстимыя съ хозяйственнымъ и, вообще, культурнымъ прогрессомъ, но, наоборотъ, являющіяся вѣрнымъ его залогомъ. Конечно, это только реакціонная политическая утопія.

Всѣ прогрессивныя черты психологіи и идеологіи крестьянскихъ массъ—взглядъ на землю и земельную собственность, элементы коллективизма и эгалитаризма—должны проявиться въ творческомъ порывѣ, охватившемъ теперь деревню, въ новыхъ формахъ строющейся крестьянской жизни. Нечего удивляться, что плодовъ этого творчества *со стороны* еще почти не видно. Творчество трудовыхъ массъ медлительно и не такъ бросается въ глаза, какъ разрушительная дѣятельность государственной власти... Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что это творчество не проявляется въ устроеніи новыхъ земельныхъ порядковъ. Русское крестьянство настолько привыкло къ опредѣленнымъ формамъ зе-

СОЦИЕВИМ В.Г. Белинского

историческимъ идеаламъ русскаго крестьянина, чѣмъ къ тѣмъ идеаламъ, о которыхъ мечтаетъ кн. Трубецкой.

Россія стояла, стоитъ и еще долго будетъ стоять на „крайнихъ“ путяхъ. И на „крайнихъ“ путяхъ она внесетъ свой вкладъ въ сокровищницу міровой культуры. Въ этомъ вкладѣ творчество трудовыхъ массъ и, въ особенности, творчество „земельное“ будетъ одной изъ самыхъ драгоцѣнныхъ частей.

И. Бунаковъ.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Книгоиздательство

кооперативной литературы

„Мыслъ“.

Новыя изданія:

5. **Н. С. Бойковъ.**—Курсы по коопераціи . . . . . ц. 1 р. 50 к.
6. **К. А. Пажитновъ.**—Кооперація и ея отношеніе къ профессіональному движенію, политическимъ партіямъ и соціализму . . . . . ц. 90 к.
7. **В. Е. Зюрюкинъ.**—Земледѣльческія артели и товарищества въ Россіи . . . . . ц. 80 к.
8. **Борисъ Фромметъ.**—Крестьянская кооперація и общественная жизнь . . . . . ц. 50 к
9. **М. Л. Хейсинъ.**—Потребительская кооперація въ Англіи (иллюстрированное изданіе) . . . . . печат.
10. **М. Л. Хейсинъ.**—Очеркъ исторіи кредитной коопераціи въ Россіи . . . . . печат.
11. **Кн. К. В. Кекуатовъ.**—Новый кооперативный законъ . . печат.
12. **Н. Орловъ.**—Какъ устраивать общія собранія и лекціи потребительнаго общества . . . . . печат.

Складъ изданія:

Петроградъ, Эртелевъ пер. № 1, кв. 1

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Библіотека соціалъ-революціонной литературы.

1. **С. А. Басовъ-Верхоянцевъ.**

Конекъ-Скакунокъ . . . . . ц. 40 к.

2. **С. А. Басовъ-Верхоянцевъ.**

Король Бубенъ . . . . . ц. 25 к.

3. **С. А. Басовъ-Верхоянцевъ.**

Что дѣлалъ со своимъ народомъ король Французскій и что народъ сдѣлалъ съ нимъ . . . . . (печат.).

4. **И. И. Бунаковъ.**

Судьбы Земельнаго строя въ Россіи ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданія: Книгоизд. „Мысль“.

Петроградъ, Эртелевъ пер., д. № 1. кв. 1.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

СОУНБ им. В. Г. Белинского

СОУНБ им. В. Г. Белинского

СОУНБ им. В. Г. Белинского

0-20

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Цѣна [redacted] к.

ЦѢНА 2 25

Книгоиздательство „МЫСЛЬ“
Петроградъ, Надеждинская, 24, кв. 8.